

A movie poster for the film 'The Cold' (Холод). The central image is a close-up of a woman with long, straight white hair and striking blue eyes. She is looking directly at the viewer with a serious expression. Her face is partially obscured by a thick, white, textured scarf or knitwear that covers her mouth and nose. The background is a dark, textured blue-grey. At the bottom, there is a horizontal band of bright orange and red, resembling a sunset or a fire, which contrasts sharply with the cooler tones above. The title 'Холод' is written in large, white, serif letters across the middle, with the subtitle '98 лет спустя' below it. In the bottom left corner, there is a black box with white text indicating a rating. In the bottom right corner, there is a white circle with a black border containing the text '18+'.

Мери Ли

Холод

98 лет спустя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Холод

Мери Ли

Холод. 98 лет спустя

«Автор»

2021

Мери Ли

Холод. 98 лет спустя / Мери Ли — «Автор», 2021 — (Холод)

ISBN 978-5-532-94442-8

Император умер, но это не принесло желанный мир и процветание. Его наследие — Мертвая война, которая длится уже 98 лет. Люди, Моря и Аномальные ненавидят и уничтожают друг друга. Будет ли победитель в этой войне? Настанет конец кровопролитию? ТОНИ прожил достаточно долго, чтобы не верить в сказки. Он вырастил в себе понимание добра и зла. Но Тони не видит смысла в жизни. До того, пока не появляется она... АМЕЛИ живет только по указке других и не мыслит, на что способна без давления извне. Она даже не подозревает, что её жизнь изменится до неузнаваемости и всё начнется с него... Это не история любви. Не в обычном её понимании. Это история жертвенности, предательства и дружбы, которой не должно было быть... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94442-8

© Мери Ли, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
1. Дважды	7
2. Клетка	12
3. Удачи, малышка	15
4. Странно, непонятно и глупо	19
5. Обычная суббота	23
6. Спроси	29
7. Расплата	31
8. Диалог	36
9. Прошное	38
10. Последний день	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мери Ли

Холод. 98 лет спустя

Пролог

Слишком много времени прошло с момента смерти захватчика Тобиаса. Если быть точным, то девяносто восемь лет. Это был самоуверенный старый стратег, один из древнейших Моров, входящих в Совет. Он подстроил всё так, что небольшая группа существ развязала войну. Моё имя Тони Аллен, и я один из них. А точнее, я один из последних, кто остался в живых. Ведь для меня время идет совершенно иначе.

Правление Тобиаса не длилось долго, его погубила уверенность в существе, которое привело его к этой власти. Но самое обидное для него, ну так я полагаю, это то, что он умер от руки обычной человеческой девчонки, которой сам же до этого сохранил жизнь. И я искренне надеюсь, что эта мысль преследует его на той стороне и не даст покоя до скончания времен.

Время идет, а Мертвая война не прекращается. Не смотря на падение Новой Империи, люди и Моры не смогли найти компромисс. Если вы спросите моё мнение, то я вам скажу, что они его и не искали. Люди поставили невыполнимые условия, они хотят, чтобы Моры убрались туда, откуда прилетели, но это невозможно, ведь из ныне живущих никто и понятия не имеет о том, как мы сюда попали, и по каким причинам это произошло. Моры во главе с Бенджамином Алленом в свою очередь выставили другие условия для мира. Они хотят поделить землю и жить, не соприкасаясь между собой, но и это невозможно, ведь люди были единственными разумными существами на этой планете, и другого варианта они не приемлют. Помимо людей и Моров, есть "побочные" – это дети от смешанных пар, то есть мама Мор, папа человек, или наоборот. Раньше, буквально сто лет назад, такие союзы были запрещены, так как Совет боялся, что эти дети могут погубить их вид. Вся проблема заключалась в том, что на "побочных" сила Моров не действует, от этого и произошел их страх. Что ты думаешь, Тони, по поводу "побочных", спросите вы меня. Знал я одного "побочного", долгие годы ненавидел его всей своей темной душой. Спустя время я понял причину этой больной ненависти... я хотел быть таким, как он. После многих печальных моментов я поменял отношение к нему. Кардинально поменял. Скажу больше, я восхищался его самоотверженностью, силой духа и уверенностью в своих действиях. Но если вернуться к вашему вопросу, то вот что я отвечу на него, мне плевать, какой ты расы, если ты на моей стороне, то будь хоть единорогом. Но если ты меня предашь или причинишь боль моим близким...

Ладно, это всё лирика, вернемся к войне.

Самое интересное то, что на данный момент не две противоборствующие стороны. Их три. Возникновение третьей – это чистое безумие. Люди, несмотря на своё численное превосходство, не смогли одолеть Моров и создали вид, который должен был помочь им в этой бесполезной войне. Они лабораторным методом скрестили ДНК Мора и человека, подмешали туда что-то ещё и тем самым получили новый вид. Ранее мир не видел такого и лучше бы так и продолжалось. Впервые эти создания появилось пятьдесят лет назад. Их стали называть – Аномальные. Один такой Аномальный может одолеть десяток Моров или сотню людей. Их очень проблематично убить, ведь им досталась улучшенная версия нашей регенерации, так же они более выносливы и быстры. Внешне Аномальные ничем не отличаются от людей, единственное различие – это глаза. Они невероятного фиолетового оттенка.

Первое сражение с их участием произошло тридцать лет назад, и это привело к катастрофическим результатам. На данный момент шестьдесят процентов населения планеты уничтожено. Вся проблема в том, что люди не доработали своё детище, и оно вышло из-под контроля.

Всего десять тысяч Аномальных, и мир погряз в полнейшем хаосе. Они не видели разницы кого убивать, в их головы вложили понимание того, что землю нужно освободить. И они выполняют свою задачу на отлично, уничтожая и Моров, и людей в том числе.

Люди поняли свою ошибку, но было поздно, Аномальные не вернулись к ним. Они так же разумны, как люди и Моря, и им не стоило больших усилий, чтобы понять, сила на их стороне, и им просто незачем кому-то прислуживать. После своего первого боя они просто ушли, оставив за собой тысячи мертвых тел. И вроде бы вот он момент для объединения сил людей и Моров. Теперь у нас общий враг, но и это не помогло нам примириться.

И случилось так, что теперь за землю борются Моря, люди и Аномальные. Эту войну уже давно прозвали Мертвой, большинство склоняются к тому, что она будет длиться до тех пор, пока на планете не останется только один вид, ещё буквально семьдесят лет назад я верил, что мир возможен. Но слишком многое изменилось, лично я потерял надежду на согласие между нами. Люди отняли у меня значительно больше, чем следовало.

Уже год я нахожусь в плену у людей. Первые три месяца они обследовали меня, пытались понять, являюсь ли я носителем "чистой крови". Со временем они узнали о "крови" и именно с ее помощью создали Аномальных. Но они не знают, что носителей "чистой крови" практически не осталось. Следующие четыре месяца с помощью пыток они надеялись выудить из меня информацию, касающуюся города, в котором находится правитель Моров и по совместительству мой отец. Им это не удалось. Следующие два месяца меня выставляли на бои в клетке, я отказывался сражаться, и в итоге меня уносили оттуда мертвым. В буквальном смысле этого слова. Меня убивали раз за разом, но я восставал из мертвых и снова появлялся на ринге. Всё это было лишь для того, чтобы меня навестил глава людского клана, его никто из Моров никогда не видел вживую. Единственное, что нам известно, что это мужчина и имя его Максвелл. На этом информация заканчивается. Но, несмотря на моё неповиновение и попытки бегства, он не удостоил меня своим вниманием. Спустя девять месяцев пребывания в плену, я начал ощущать слабость. Мне не хватало энергии, я медленно иссыхал. И в один из дней, меня снова завели в клетку, но мои противники не ожидали, что я начну сражаться. А я начал. И бился так свирепо и кровожадно. Получил огромное количество страха и отчаяния своих противников. Это напало на меня, и вот, я снова в строю.

На данный момент я сижу на своей металлической кровати, в металлической комнате без окон, с одной лишь дверью, которая, кажется, заперта с той стороны на все замки, что остались в мире. Я уже дважды пытался сбежать. Ну, так думают люди, а я всего лишь обследую местность, ведь я не просто так попал сюда.

1. Дважды

Амели.

Сегодня второй самый нервный день в моей жизни. Конечно, я нервничала куда больше двух раз. Просто именно эта нервозность... она другая, особенно неприятная.

Меня в очередной раз нарядили в свадебное платье, сделали красивую высокую причёску, надели туфли и отправили по проходу в главном зале Скалы. Иду, еле переставляя ноги, и обвожу взглядом собравшихся. Снова стекло слишком много людей. Я не понимаю, почему они присутствуют здесь. Да, это свадьба, но по факту, просто союз двух городов. Ни больше, ни меньше.

Я иду одна. Рядом нет отца, который бы проводил меня до моего суженого и отдал из рук в руки. Да мой папа этого и не сделал бы. Жаль, что его нет со мной. Десять лет, как он погиб, сражаясь с Морами. Мне было одиннадцать, и я уже прекрасно понимала, что такое смерть. В один из дней дядя пришел и сказал, что папа больше не вернется, он отдал жизнь, чтобы я смогла жить на своей планете и не бояться того, что захватчики Моры решат подкрепиться мной или же возобновят работу "ферм". Я долго плакала и очень сильно скучала по папе. Скучаю до сих пор.

Маму я никогда не видела, но всегда хотела отыскать женщину, что родила меня. Я знаю, что она жила, а возможно и до сих пор живет в Скале. Но дядя сказал мне, что это глупая затея, и мне никогда не узнать, что это за женщина, как её имя, и почему она не была рядом со мной на протяжении двадцати одного года. Родных братьев и сестер у меня нет. На данный момент у меня есть только дядя и его сын.

Своего жениха я видела лишь дважды. Первый его визит был за пять дней до нашей первой свадьбы. Это обычный молодой человек, не красавец, конечно. Но не это главное, самое печальное то, что он пошел по стопам своего отца. А его папу боялся даже мой дядя. Хотя я вообще думала, что он не способен испытывать чувство страха. Второй раз я лицезрела жениха на свадьбе, стоя с ним лицом к лицу... я ответила "Нет". Это не от того, что я смелая и сильная, и ничего не боюсь. Я ответила так лишь от своего страха. Я знаю, что этот милый молодой человек безжалостный убийца, который неизвестно что будет делать со мной. Он пришел к власти, прилюдно казнив своего родного отца. Он сам отрубил ему голову и оставил тело лежать в центре города больше недели. Так он решил показать каждому жителю, что с ним шутки плохи, и он пойдет на всё что угодно для достижения своей цели.

В первый раз из-за отказа выйти замуж, я понесла наказание. Дядя не бил меня, просто отправил на месяц на исправительные работы в местный бордель. Чего я там только не насмотрелась. Во-первых, меня повергло в шок то, что девушки и женщины там ходили в юбках, а то и вообще без них. Чтобы вы понимали, юбки и платья ушли из нашей повседневной жизни. Этот глупый, но красивый элемент одежды мешает в бою, сковывает бег и вообще не удобный. Своё первое платье я надела на свадьбе, в нем-то меня и привели в бордель. Я должна была прислуживать мисс Бейли и выполнять все её указания. В основном я убирала комнаты девочек после посещения мужчин. Некоторые просили меня помочь нанести макияж или же потуже затянуть корсет.

Я проработала там две недели. И через четырнадцать дней увидела обратную сторону развлечений мужчин. Девушка по имени Селеста не вышла из комнаты после того, как Полковник покинул её покои. Мисс Бейли отправила меня туда и сказала всё прибрать. Я тихо постучалась, но мне никто не ответил. Я постучала снова. Опять тишина. Я думала, что девушка уснула, и хотела бы уйти и не беспокоить её, но послушаться приказа мисс Бейли невозможно. В этом месте её слово – закон.

Нервно переступила с ноги на ногу, выдохнула и тихо открыла дверь. О, Боги! Крик ужаса разнесся по борделю. Ничего не могла с собой поделать, я просто кричала. Когда в легких заканчивался воздух, я набирала его снова и опять кричала. То, что я увидела, повергло меня в ужас. Селеста была привязана руками к верхним балкам кровати, её тело практически висело в полный рост, только ноги на коленях стояли на полу. Она была абсолютно обнажена, голова свисала вперед, и длинные белые волосы скрывали её лицо. На мой крик первой прибежала мисс Бейли, она велела мне молчать и не наводить панику. Женщина прошла к кровати и приложила руку к шее подвешенной девушки. Повернулась ко мне и сказала: "Я отправлю тебе в помощь Скотта, думаю, одна ты тут не справишься". Я была в шоке и не понимала, о чем говорит женщина. Но позже пришел Скотт, срезал веревки и упаковал тело Селесты в какие-то тряпки. Он делал это с безразличным выражением лица, все движения отточены до автоматизма. Думаю, это не впервые. Прежде чем Скотт упаковал девушку, я успела увидеть её мертвые глаза и ужасающие синяки на теле и шее. Позже мисс Бейли скажет мне, что Полковник очень страстный мужчина, и порой его страсть выходит из-под контроля, и тогда случаются такие – неприятные моменты.

Неприятные моменты – именно так она называет смерть своих девочек. Я доработала ещё две недели, и дядя освободил меня от этой участи. В какой-то степени я удивлена, что отделалась таким легким наказанием. После моей работы в борделе прошло ещё два месяца, и дядя решил, что я пересмотрела своё решение и готова к тому, чтобы с помощью брака укрепить наш город. Не сказав мне, он пригласил жениха для повторной церемонии. И вот я снова здесь. Снова в том же платье, с такой же прической.

Мне страшно. Я не хочу уезжать из города, в котором родилась и прожила всю свою жизнь. Мой родной город называется Скала, и не трудно догадаться почему. Практически сразу после падения Новой Империи, мой дед и его соратники были спасены из "фермы" и ушли как можно дальше от того места. Они спасались бегством, напуганные и опустошенные. Нашли заброшенный город и стали там жить. Спустя несколько лет город разросся, и людям просто не хватало места, недалеко находилась станция, которая располагалась внутри горы. Мой дед создал проект, и со временем люди построили поистине неприступную крепость. После одного из сражений все, кто находились снаружи погибли, но внутрь Морам попасть не удалось, и это спасло жизни местных жителей. Считаю это место родным, ведь за пределами Скалы я ни разу не была.

Но вся проблема в том, что помимо Моров, сейчас появилась новая угроза – Аномальные. И чтобы укрепить свои силы, дядя выдает меня замуж. Но я не хочу. Не могу.

Иду по проходу и смотрю на незнакомые лица, что окружают меня. В прошлый раз они улыбались, сейчас нет. Все смотрят на меня, и это нервирует ещё больше. За пять минут до этого я сказала дяде, что не соглашусь на брак, но он не поверил мне и сказал, если я отвечу отказом, то участь, что ожидает меня, куда хуже той, что была в прошлый раз.

Шаг за шагом.

Кажется, я перестаю дышать.

Воздуха действительно очень мало, и эта неуместная толпа забрала его весь, не оставив мне и вдоха. Сжимаю в руках букет цветов. Как сказал дядя, его привез мой жених. Цветы красивые. Жених не очень. Он не безобразен, совсем нет. Молодой человек примерно моего роста, может немного повыше, карие глаза, темные волосы и очень большой нос. Ну не прям как у слона, но если бы меня спросили о том, чем именно он запомнился мне с первой встречи, я бы незамедлительно ответила – нос.

Дохожу до него и встаю рядом. Я чувствую, как он прожигает меня взглядом. Но я смотрю только на священника перед собой. Мужчина средних лет одет в белое одеяние, увитое золотыми узорами. Он начинает речь, но я не слушаю его. Я знаю, что будет дальше. Точнее, предполагаю, и для меня это ничем хорошим не закончится. Священник замолкает, и я отрываю

свой взгляд от узоров на его одеянии. Чувствую, как жених мягко тянет меня за локоть. Поворачиваюсь лицом к нему. Он берет мою руку в свою и слегка сжимает пальцы. Боже, я ведь даже имени его не знаю. Это просто какой-то спектакль. Дядя говорит, что в новом городе у меня будет много друзей, ведь все захотят понравиться новой "первой леди". Но мне не нужны друзья. Мне и одной хорошо. Дайте мне карандаш, лист бумаги, большего я не прошу. А если вокруг меня не будет друзей, то вообще отлично. Не понимаю, почему люди считают одиночество печальным. Мне хорошо самой с собой, уютно и спокойно.

Жених снова сжимает мои руки. Ловлю его взгляд, он приподнимает бровь в вопросительном жесте. Что ему надо? Он просто смотрит и молчит. Священник молчит. Все молчат. Почему?

– Амели? – обращается ко мне мужчина в рясе.

Перевожу на него взгляд и переспрашиваю:

– Что?

– Согласна ли ты разделить жизнь с Боа Уилсоном?

Так вот как его зовут. Я что прослушала все вопросы и даже ответ Боа? Возвращаю взгляд на жениха. И не могу произнести "да". Просто не могу. Я знаю, всё станет проще. Для всех, кроме меня. Бросаю взгляд в конец коридора, где скрыта потайная дверь, и я знаю, что дядя находится именно там. Сейчас он смотрит на меня и злится. Дядя не присутствует на церемониях или приемах. Он всегда скрывается и не желает, чтобы его видели посторонние люди или *существа*. Сглатываю ком в горле, прикрываю глаза и говорю тихое:

– Нет.

– Что? – кричит мой жених.

Открываю глаза и наблюдаю, как его лицо искажает злоба. Я унизила его... дважды. Думаю, дяде нужно искать других союзников. Боа замахивается и ударяет меня по лицу. Жар распространяется по щеке. Боже! Это первый раз в жизни, когда на меня кто-то поднял руку. Слезы набегают на глаза, но я стараюсь их сморгнуть, иначе ничего не вижу. Выпрямляюсь в полный рост и тихо говорю Боа:

– Прости.

В зале начинается суматоха, люди расходятся и делятся на две половины. Надеюсь, сейчас не начнется общая драка? Я просто хочу, чтобы он уехал, а я продолжила жить так, как жила до этого.

Боа делает шаг ко мне. Я пячусь назад. Между нами вырастает огромная фигура помощника дяди. Дюк выставляет перед собой руку, тем самым останавливая неудавшегося жениха и говорит:

– Мистер Уилсон, Максвелл желает поговорить с вами и Амели наедине.

– О чем тут можно говорить? Вы снова это сделали! Для чего? Мира между нами никогда не будет! Союзу конец!

Никогда не говори никогда. Сказала бы это я, если была бы чуточку храбрее. Но я молча продолжаю прятаться за спиной Дюка. Я знаю, что он никогда не даст меня в обиду. И не важно, кто стоит перед ним, хоть сам Бенджамин Аллен. Только от мысли об этом всемогущем Море, мороз пробегает по коже. Говорят, он безжалостен и очень жесток. Я видела Морев лишь несколько раз в жизни. У нас в Скале их вообще нет, только пленники-бойцы, которых посадили в карцеры и держат там.

– Поверьте мне, Максвелл предложит вам то, от чего не так-то легко отказаться. – настаивает Дюк.

– Поверить тебе? Кто ты вообще такой?

– Дюк Нельсон – правая рука и доверенный советник Максвелла.

Примерно минуту стоит тишина, но до меня доносится шушуканье людей, окружающих нас, некоторые фразы мне даже удалось разобрать. "Что ей ещё надо, когда в последний раз

была настоящая свадьба? Кто может себе это позволить?", "Думаю, у неё с головой проблемы", "Всего лишь племянница, а возомнила себя кем?" И всё в этом духе. Меня не очень любит наш народ. И я это прекрасно знаю. Лишний раз стараюсь не ходить по Скале, только по необходимости и в сопровождении охраны.

– Я выслушаю его, но хватит масок, я хочу видеть его лицо. Это будет залогом наших "возможных взаимоотношений". – соглашается Боа и бросает на меня мимолетный взгляд.

– Хорошо, идемте. – говорит Дюк и показывает рукой в сторону выхода из зала. Боа направляется на выход, и за ним следуют трое его людей.

– Идем, малышка. – зовет меня Дюк.

Еле как переступаю ногами, даже не представляю, насколько злым сейчас будет мой дядя. Он меня никогда не трогал, но понимаю, что сейчас я сорвала одну из самых крупных сделок за все время его правления Скалой. Я опять это сделала – разочаровала его.

Покидаем импровизированную церковь и направляемся в кабинет дяди. Я знаю, он уже там. В Скале очень много потайных ходов, но знают о них лишь члены семьи и Дюк. Остальные в неведении. Таким образом дядя может наблюдать за всеми в городе, но при этом оставаться скрытым от любопытных глаз.

Проходим главную улицу, но здесь практически никого нет. Уже вечер, а значит, люди ушли на представление. Сегодня суббота, следовательно будет бой. Никогда там не была, дядя всегда запрещал. Говорил, что такой нежной девушке не пережить увиденное, но, если честно, мне очень интересно, что там происходит. Говорят, что в бою люди выходят против Моров, и это незабываемое зрелище. Именно там, в клетке, Моров заставляют поплатиться за все их деяния, за всю ту боль, что их раса принесла человечеству. Дядя говорит, что такие показательные "выступления" поднимают боевой дух граждан Скалы. Они видят, что Моря не все-сильные существа, они так же уязвимы, как мы, и могут умереть.

Выруливаем на соседнюю улицу и доходим до конца. Упираемся в тупик, Дюк смотрит налево и говорит:

– Мистер Уилсон, не могли бы вы сделать ещё шаг вперед.

– Зачем это?

– Иначе, я боюсь, вас раздавит металлом.

Боа тут же делает два шага вперед. Дюк тянется к стене и опускает первый рычаг. Сверху перед нами скатывается металлический лист. Дюк опускает второй рычаг.

– Что это? – спрашивает Боа.

– Лифт, сэр.

И мы начинаем движение вверх. Желудок падает вниз. Каждый раз, когда мы поднимаемся или опускаемся на этом лифте, я боюсь, что тросы не выдержат, и мы полетим вниз. К счастью, такого не происходило. Надеюсь и сейчас не произойдет. Поднимаемся на самую вершину Скалы, именно там находится кабинет и комнаты дяди. Дюк опускает очередной рычаг, и металл, что служит дверью, убирается вверх. Мы выходим из лифта, Дюк молча ведет нас в кабинет. Стучит в закрытую дверь и, только после холодного: "Входите", открывает её.

Пропускает нас вперед, сам заходит последним. Все, кто впервые видит моего дядю, теряют дар речи, и Боа, оказывается, не входит в исключение из данного правила. Он стоит, разинув рот, и просто моргает. Его охрана старается выглядеть более профессионально, но взгляда от дяди они тоже отвести не могут.

И вот тут начинается самое интересное. Дядя действительно предложил Боа то, от чего он не смог отказаться. Меня же ждет новое наказание сроком в два месяца, а после него состоится свадьба, но она будет проходить без посторонних, только я, Боа, дядя и священник.

Всё дело в том, что дядя любит меня, по-своему конечно, но тем не менее, он пытается сделать так, чтобы я сама захотела помочь ему и объединить города с Боа. И в этот раз он решил показать мне, кто такие Моря, и почему этот брак так важен для нас и для людей в целом.

Он отправляет меня в пленное логово одного из них.

2. Клетка

Тони.

Недолго я просидел на кровати в ожидании. Буквально через двадцать минут за мной пришли. Как обычно десять человек на меня одного. Могу сказать одно, они работают слаженно и профессионально. Каждый раз дверь резко открывается, и в комнату врываются двое, у них в руках автоматы, направленные четко мне в голову. Следом входят ещё двое, у одного в руках кандалы, которые сковывают мне руки и ноги, а между собой их соединяет цепь, у второго – мешок, который закрывает мне обзор. Остальные выстраиваются в шеренгу на выходе и ожидают моего появления.

Если честно, я думаю, они слишком высокого мнения обо мне. Десять человек, ещё и вооруженных. Ну пять... пятерых я бы уложил. Ну ладно шесть, это максимум, и то, если использую свою силу, но после мне нужна будет подзарядка, а в этом месте я её вряд ли найду, так что они зря тратят ресурсы.

И вот, меня ведут по коридорам в мешке и кандалах. Мешок, кстати, постирали, в прошлый раз от него разило так, что меня чуть не вывернуло наизнанку, а в этот раз вроде ничего, терпимо. Кандалы тяжеленные и сильно сковывают ноги, поэтому движемся медленно.

Данный маршрут я выучил, как свои пять пальцев. Триста метров прямо, около ста пятидесяти направо, дальше небольшой уклон вниз и примерно пятьсот метров по прямой. А потом – крик толпы. Дикий и необузданный гул голосов. Это жители Скалы пришли посмотреть на то, как очередного Мора разорвут на куски, ну или по крайней мере постараются. Вот так принято проводить вечер субботы в наше время.

С меня срываю мешок, но кандалы оставляют. Так происходит всегда. Осматриваю место, ничего не изменилось. В центре небольшой помост, на нём и находится пресловутая клетка. Вокруг неё метров на десять ничего нет, а вот дальше находятся люди. Слишком много крикливых человеческих единиц. Здесь нет искусственного освещения, лишь факелы, что расставлены вокруг клетки и воткнуты в каменные стены за толпой. От этого постоянно стоит неприятный запах потных людей и гари.

Бросаю взгляд на свои руки, чертовы кандалы, они, если честно, раздражают меня, я каждый раз вспоминаю день падения Новой Империи. Один из самых печально-счастливых дней. Я буду в цепях, пока не войду в клетку, и она не закроется за мной. Меня всё так же ведут десять человек, а четверо бойцов ожидают внутри большой металлической арены. Это не такая клетка, в которых раньше проходили бои ММА или подобные им. Это действительно клетка, словно для птицы, только очень большой и свирепой. Меня вталкивают внутрь, и мои противники, что уже находятся там, делают шаг назад.

Боятся.

Это хорошо.

Даже отлично.

За спиной звякают ключи, клетка закрыта. Подхожу к уже знакомому месту у края клетки и протягиваю руки, человек с той стороны отпирает замок, и цепь с кольцами падает вниз. То же самое он проделывает и с ногами. И вот, я свободен, ну, метафорически свободен, а по факту, даже близко нет.

Гонга ещё нет. Но я действительно жду его с нетерпением.

Улыбка появляется на моём лице, почему я улыбаюсь? Не знаю, но я чувствую, как кровь бешеным потоком циркулирует по венам. Я в предчувствии страха моих соперников.

Разминаю шею и делаю пару шагов вправо. Смотрю на людей, что пришли сюда. Ловлю взглядом женщин и даже детей, это же отвратительно, растить новое поколение с заранее посаженным зерном лжи. Я знаю, что им говорят о нас. И это очень далеко от истины. Например,

люди считают, что мы не испытываем боли, нам плевать видите ли на неё. Ещё они думают, что мы можем жить вечно, это тоже ложь. Помимо этого, Морозы выставляют животными, у которых нет чувств. Вообще никаких, кроме жажды убийств и уничтожения человечества. Как будто у нас других дел нет.

Да плевать. Идиоты, что с них взять.

Гонг.

Толпа ревет ещё больше.

Топот ног в разы громче.

Оборачиваюсь и смотрю на своих противников. Они медленно расходятся в стороны и пытаются окружить меня. Ну ладно, пусть будет так.

У меня в голове каждый раз возникает вопрос. Они-то что тут делают? Меня как бы заставили прийти, а их? Если они по своей воле пошли на избиение себя то, что можно говорить об их интеллекте? Правильно, ничего хорошего.

Против меня два брюнета, один блондин и лысый. Решаю им подыграть, сам выхожу на середину клетки и взмахом руки приглашаю на спарринг одного из брюнетов, в ответ он хмурит брови. Они мгновенно рассредотачиваются. Парни подготовились, договорились, как именно казнят меня. Ну ладно, надо просто понять, кто у них главный и всё. Падет он, остальные растеряются, тогда-то я и подкреплюсь.

Толпа ревет и скандирует: "Смерть Морозу!"

Тем временем, лысый кивает, и вся четверка несется на меня, решаю вырубить лысого, но они словно перебрали с бесстрашием накануне и просто сбивают меня с ног. При падении весь воздух выбивает из легких, ловлю ребрами удары ногами. Пытаюсь прикрыться, но это бессмысленно. Наблюдаю, как в лицо летит чья-то нижняя конечность. Хватаю её и дергаю на себя. Противник валится рядом со мной, лицом к лицу. Хватаю его за шею и аккуратно, чтобы мозги не растеклись, бью головой о каменный пол. Минус один.

Лысый пытается оттащить обездвиженного напарника. Отлично, всего двое. Отпинаваю одного из них и быстро поднимаюсь на ноги. Удар по лицу. Сука! Они почему-то думают, что боль мы испытываем по-другому. Но нет же. Ищу глазами того, кто ударил меня, и одним точным джебом разбиваю ему нос. Надеюсь, сломал. Но из строя я его точно вывел, примерно на минуту.

Прилетает удар слева. Уклоняюсь. Теперь двое против одного. Удар справа, подныриваю под руку брюнета и со всей силы бью его по почкам. Мне прилетает удар ногой под колено, присаживаюсь на пол и оборачиваюсь назад. Ловлю кулак нападавшего и выкручиваю его руку до хруста. Ой, переусердствовал. Ломать не хотел, но кто виноват, что люди такие хрупкие? В этот момент сзади на меня набрасывается ещё один. Сука, это же тот, со сломанным носом. Быстро он пришел в себя. Зажимает шею в удушающем приёме. Другой, немедля, подлетает спереди и пробивает мне череду ударов в торс. Удар, удар, удар. Ещё один и ещё. Воздуха совсем нет.

Кажется, я проигрываю. Странно. Думал, будет иначе. Парень, что передо мной, останавливается, и в этот момент я отрываю ноги от пола и пинаю его в грудную клетку, он падает, и я со своей пиявкой, что прицепилась сзади, тоже лечу на пол. От удара руки захватчика ослабевают буквально на мгновение, и это помогает мне вырваться. Скатываюсь с него и встаю на ноги. Трое лежат, но все живы.

Четвертый с трудом поднимается на колени. Из его носа хлещет кровь, но он ещё в строю. Молодец. Вот им и подкреплюсь. Делаю шаг в его сторону и краем глаза ловлю движение слева. Чёртов Дюк стоит по ту сторону клетки и целится в меня из пистолета. Срываюсь с места и запрыгиваю на четвертого, валю его на пол и нависаю сверху. Его взгляд красноречивей тысячи слов. Он боится. Он в ужасе. Но стоит мне ещё ниже склониться к его лицу, как три пули прилетают в меня. Сука!

Вообще-то это больно и не по правилам.

Одна влетела мне в шею и прошла навывлет. Это хорошо.

Вторая продырявила предплечье и тоже вышла с другой стороны. Это тоже неплохо.

Третья влетела в висок и осталась там. Это плохо.

Они снова меня убили.

Мрак. Темнота. Опустошение.

И всё это сопровождается невыносимой болью.

3. Удачи, малышка

Амели.

Всю дорогу до моего временного жилища Дюк читал мне нотации. Он строго настроен запретил общаться с Мором, подходить к нему и даже смотреть. Мне и без его наставлений страшно, но я понимаю, что старый добрый Дюк просто переживает.

– Комната будет разделена на две равные части. То есть по центру будет стоять решетка. Металлическая крепкая решетка. – продолжает Дюк.

– А можно мне туда не идти? – с надеждой в голосе спрашиваю я.

Наблюдаю, как спина Дюка увеличивается из-за тяжелого вздоха. Я иду позади него и стараюсь смотреть только на его широкие плечи, это как-то успокаивает.

– К сожалению, нельзя. Твой дядя решил, что ты должна увидеть, с чем мы боремся, и понять, что этот брак нужен нам куда больше, чем кислород.

– Но это неправда.

– Что именно?

– Кислород нужен нам больше.

– Хм.

Идем дальше, и с каждым шагом я чувствую, что мне становится сложнее дышать. Легкие скованы. Мне страшно. Я никогда в жизни не видела Моров вблизи. А теперь должна жить с одним из них. И не просто жить, а заменять медика, который приводил Мора в порядок после боёв в клетке. Так же Дюк сказал, что я должна присутствовать на всех боях, и увидеть, какое чудовище скрывается за маской голубоглазого блондина. Как я могу сосуществовать с одним из созданий, которые убили моего папу? Возможно, это сделал именно тот Мор, с которым мне предстоит прожить два месяца. Два месяца – это бесконечно долго.

– А что, если он убьет меня?

После этого вопроса Дюк останавливается и поворачивается ко мне. Внимательно в глаза и уверенно произносит:

– Не сможет.

– Сможет. – спорю я.

Взгляд Дюка тускнеет, и он говорит:

– Ты просто близко к нему не подходи. Клетку, которая вас разделяет, можешь открыть только ты.

– Но он может заставить меня это сделать. – я многое слышала про Моров и знаю, насколько они могущественны. О их силе ходят жуткие легенды. – У них же сила. А у меня что? Ничего.

– Ты согласна выйти замуж за Боа? – тут же интересуется он.

– Нет.

Дюк сокрушительно качает головой и печально произносит:

– Значит, ты не понимаешь. Но обязательно поймешь.

– Дюк, ты знаешь, что он за человек? Прости, но уж лучше провести два месяца в компании Мора, чем всю жизнь с ним.

– Не буду тебе лгать, он не самый лучший представитель человечества, но тебе Боа не посмеет сделать больно. Тем более, через два месяца ты всё равно выйдешь за него.

– Ты не можешь этого знать. За два месяца может многое случиться.

– Например?

– Я не знаю. – просто я пытаюсь оттянуть этот момент.

Дюк не отвечает, и мы идем дальше, я так хочу сорваться с места и сбежать. Вот только куда? И зачем? Но я не представляю, как смогу прожить с чудовищным Мором целых два

месяца. Просто не могу. Он убьет меня. Я в этом практически уверена. Выпьет всю мою энергию.

– Дюк?

– Что, малышка?

– Что мне делать, если я почувствую опасность? Настоящую опасность. – стоило мне произнести это вслух, моя нервозность только возросла.

Не оборачиваясь, Дюк говорит:

– Возле твоей кровати находится красная кнопка. И если тебе будет угрожать опасность, ты на неё нажмешь, и в комнату тут же ворвутся люди и спасут тебя. Поверь, твой дядя всё предусмотрел. Его задача, показать тебе, какие они чудовища, – Дюк переходит на шепот. – Но, по факту, настоящая опасность тебе не угрожает.

– Хорошо.

Проходим мимо группы граждан Скалы, и каждый решает своим долгом посмотреть на меня с укором. Они считают меня идиоткой. Я это знаю. Возможно, они правы. Ведь ничего не мешает мне согласиться на брак и уехать жить в другое место. Абсолютно ничего, только моя интуиция и страх дают мне подсказки, от которых невозможно отмахнуться и забыть. В голове постоянно крутится мысль, что стоит мне согласиться на этот брак, мои дни будут сочтены. Возможно это не так, но проверять я бы не хотела.

– Пришли. – говорит Дюк.

Оглядываюсь по сторонам. В этом месте я никогда не была. Скорее всего это самый низкий уровень в Скале. Здесь даже электричества нет, в каменных стенах торчат факелы. От бегающих бликов озноб пробегает под кожей. Всё мрачно и уныло, это очень даже похоже на склеп. Дюк останавливается напротив приоткрытой двери. Она, кстати, самая последняя в этом коридоре. Дальше только каменная стена и ничего более. Возле дверей стоят двое мужчин в серой форме. Как я полагаю, это охрана, и они всегда будут находиться здесь. Это немного успокаивает. На два процента из ста.

– Почему дверь открыта? – настороженно спрашиваю у Дюка.

– Мор в отключке. – отвечает он.

– Это как понимать?

– Мне пришлось выстрелить в него, иначе он бы напился энергией одного из наших людей. – с нескрываемой безразличностью продолжает Дюк. – Ему уже несколько раз удавалось это сделать.

– Понятно. – ничего не понятно.

Дюк толкает толстую металлическую дверь, и она с тихим скрипом открывается. Он входит первым, я иду за ним, охрана остается за порогом. Прячусь за спиной Дюка и боюсь выглянуть. Перехватываю свой рюкзак и замечаю, как сильно дрожат мои руки. Да внутри меня всё вибрирует от напряжения. Кажется, что это происходит не со мной, а с кем-то другим, я же всего лишь сторонний наблюдатель.

– Вот он. – произносит Дюк, и моё сердце ухает вниз.

Прикрываю глаза и делаю протяжный вдох. Распахиваю веки и совершаю осторожный шаг вправо.

Сначала осматриваю помещение. Всё, как и сказал Дюк, прямоугольная небольшая комната разделена на две части. Моя – та, что у входа, Мора – та, что у дальней стены. Нас разделяет решетка, но я могу открыть её, но в будущем не собираюсь этого делать. Хотя сейчас она и без моего участия распахнута настежь. Сердце колотится с невероятной скоростью. Делаю шаг вперед и заглядываю в соседнюю камеру. На кровати лежит молодой человек. Обычный. Почему-то я представляла, что он в возрасте. Хотя я не могу судить сколько ему лет, для них время идет совершенно по-другому. Боже, он весь в крови, его белые волосы слиплись и

кажется, что он... мертв. Его грудная клетка не поднимается и не падает. Правая рука безвольно свисает с кровати.

– Он что спит? – шепотом спрашиваю я.

– Нет, он мертв. – сообщает Дюк.

– Что? – делаю шаг назад. – Я не останусь тут с трупом.

– Он им долго не пробудет. Тебе нужно только вытащить одну из пуль. Две прошли навывлет, одна застряла.

В моей голове сплошное завывание ветра. Дюк несет такую ерунду. Какие-то пули, мертвые Моры. Нет, я не могу. Я всю свою жизнь существовала спокойно, никогда не видела ужасов войны, что творятся в мире. Папа, а потом и дядя оберегали меня от этого. Оберегали от всего.

Я не знаю, что мне делать.

– Вот здесь. – говорит Дюк, отходя от меня и указывая под изголовье моей кровати. – Находятся необходимые медицинские инструменты.

– Дюк, да ты шутишь? Я не смогу это сделать. Я просто не знаю как.

– Ты справишься, просто возьми пинцет и достань пулю, или вернись наверх к дяде и скажи, что ты согласна по своей воле вступить в брак с Боа.

В ответ я просто молчу и выпучив глаза смотрю на Дюка. С трудом разлепляю губы и произношу:

– А если я не буду доставать пулю?

– Ну, сама по себе рана не излечится. В данный момент его тело пытается заживить повреждение, но у него не получится. Как нам известно, пока пуля внутри Мора, он не исцелится, а со временем иссохнет и умрет.

– И как вы это выяснили?

Но Дюк не обращает внимания на мой вопрос и продолжает:

– Я стрелял ему в голову, так что выбор за тобой, либо ты достаешь пулю, и он будет жить, либо даешь ему умереть, а тебя переселят к новому соседу. К более живому.

Бросаю взгляд на молодого блондина. Я должна его спасти. Или не должна?

– Удачи, малышка. – говорит Дюк и закрывает дверь.

Пока он был здесь, я чувствовала себя в относительной безопасности. Но сейчас... Срываюсь с места и подлетаю к двери. Начинаю колотить по ней и кричать. Но мне никто не открывает.

Приказ дяди – это закон.

Бросаю взгляд на красную кнопку, но что-то останавливает меня от того, чтобы нажать её. Как говорят, если попусту кричать "волки, волки", то в действительно нужный момент люди не придут на помощь.

Оборачиваюсь и снова смотрю на "пациента". Достать пулю или нет? Честно... я не знаю. Даже не могу предположить, что в этом случае будет являться правильным решением. Если я сохраню ему жизнь, а он в будущем сможет сбежать и будет убивать людей, это окажется на моей совести? Или нет? А если я целенаправленно не помогу ему, он умрет. И тогда моя душа сто процентов будет замарана. Я попаду в ад. Или не попаду. Выдыхаю. Бросаю рюкзак на свою кровать и подхожу к изголовью, наклоняюсь вниз и достаю небольшой чемоданчик. То и дело бросаю взгляд в сторону Мора, мне почему-то кажется, что он знает, что я делаю, и где именно нахожусь. Подтаскиваю к себе чемоданчик, выпрямляюсь в полный рост и несущ медпомощь в соседнюю камеру.

Но стоит мне переступить порог, я замираю и просто смотрю на Мора. На вид это обычный молодой мужчина лет тридцати. Высокий, тело стройное. Это я могу судить, ведь на нем только брюки черного цвета. Делаю осторожные маленькие шаги. Лицо сложно рассмотреть, всю правую сторону залила кровь, которая больше не бежит. Она засохла. Интересно, сколько по времени он в таком состоянии?

Опускаю чемоданчик на пол рядом с кроватью Мора и открываю его. Но не забываю бросать взгляд на блондина каждые две секунды, кажется, он сейчас откроет глаза, и я увижу, насколько они голубые и холодные, а после, он просто заморозит меня и выпьет всю энергию.

Но он по-прежнему мертв. Трясущимися руками достаю пинцет. Так, пуля в голове. Ужас.

Вижу отверстие в его виске. Тошнота подкатывает к самому горлу. Кладу пинцет обратно и беру перекись водорода и бинт, смачиваю его и обтираю Мору висок. Руки по-прежнему трясутся. Мне кажется или отверстие меньше пули? Снова беру пинцет и останавливаюсь. Я не смогу. Перед глазами начинает плыть. Страхиваю оцепенение и склоняюсь к Мору ещё ближе. Стоя неудобно. Сажусь на самый край его кровати, но так, чтобы лишний раз его не задевать. Подношу пинцет к его голове. Нет. Не могу.

Резко встаю и роняю щипцы. Меня всю трясет! Но стоит мне бросить на "пациента" еще один взгляд, я понимаю, что если не возьму себя в руки, он действительно умрет. Поднимаю пинцет с пола и сажусь обратно на кровать.

Стараюсь не думать о том, что я сейчас залезу кому-то в голову. В прямом смысле этого слова. Проталкиваю пинцет в отверстие, но не могу нащупать там металл. Дрожащей рукой вдавливаю его глубже. Снова тошнота. Сглатываю ком в горле. Вот она. Чувствую, я на что-то наткнулась. Она неглубоко, примерно на два дюйма. Но так просто мне к ней не подлезть. Вытаскиваю пинцет и наблюдаю, как тонкая струйка крови начинает вытекать из отверстия. Заглядываю в ящик и нахожу глазами скальпель. Беру его и подношу к ране. Мне нужно место для маневра, иначе пулю не подцепить. Закусываю губу, делаю небольшой надрез, и очередная порция крови стекает с виска Мора. Бросаю скальпель в чемодан и беру пинцет. Просовываю его в отверстие и пытаюсь зацепить снаряд. На удивление мне удается сделать это с первой попытки.

Как только пуля оказывается на воле, я быстро бросаю инструмент в чемодан и захлопываю его. Встаю с кровати и со скоростью ветра покидаю камеру Мора. Я не знаю, нужно ли зашить рану, и через сколько он очнется. И вообще очнется ли.

Как только захожу в свою "комнату", тут же ставлю чемодан и закрываю решетку, тем самым разделяя нас. Вижу на металле три замка и в каждом свой ключ. Поворачиваю их, вынимаю и убираю в карман кофты.

Сердце колотится так, что в ушах стоит странный гул. Я это сделала. Слабая улыбка появляется на лице. Может не такая уж я трусиха?

Ещё четыре раза проверяю запертую решетку. Закрыта. Точно закрыта? Дергаю её ещё раз. Да, заперта. Убираю чемодан на место и сажусь на свою кровать. Жду.

Мор не шевелится, дыхание так и не появляется. Может слишком поздно вынула пулю, и он всё-таки умер? Перевожу взгляд на свои руки, они в крови. Ещё раз оглядываю комнату и только сейчас замечаю, что в моей камере есть ещё одна дверь, бросаю взгляд в камеру Мора, у него идентичная. Подхожу к своей и открываю её. Туалет и раковина. Я об этом даже не подумала. Поворачиваю кран и оттуда тонкой струйкой течет ледяная вода. Смываю кровь, обтираю руки об себя и возвращаюсь в "комнату".

Забираюсь с ногами на кровать и не могу отвести взгляд от Мора. Так проходит около часа, но ничего не происходит. Беру рюкзак, достаю карандаш и блокнот. Это поможет мне от нервозности и ожидания... неизвестно чего.

4. Странно, непонятно и глупо

Тони.

Пуля, которая недавно поселилась у меня в голове, принесла с собой мучительную боль. Всё время, что я нахожусь в состоянии "смерти", я ощущаю агонию. Каждая минута такого состояния равна часу в самом пекле ада. Я чувствую, как меня разрывают на куски и бросают их в огонь, потом возвращают горящую плоть на место и повторяют это снова и снова.

На этот раз меня не спешили спасать. Что послужило этому причиной, я не знаю. Но в какой-то момент сквозь боль меня посетила мысль, что это конец. И знаете что? Я не испугался. В моей жизни не осталось ничего ценного, ничего важного, ничего стоящего. Я всё потерял... Эта мысль пропала так же быстро, как и появилась, её унес очередной поток адских мук.

Всеу рано или поздно приходит конец. Вот и боль достигла своего финала, осталось только оцепенение и непонимание происходящего.

Прихожу в сознание и медленно приоткрываю глаза. Я в горизонтальном положении, голова повернута набок. Вижу решетку. Решетку? В моей камере не было решетки. Снова прикрываю глаза и пытаюсь собраться с силами, которых практически нет. Слишком много энергии было затрачено на долгое исцеление.

Не знаю, сколько я пролежал с закрытыми глазами, но открыть их меня заставил странный звук. Словно мышь скребется. Должен понять, где я. Рука, что свисала с кровати, адски затекла. Упираюсь локтем о жесткий матрас и с тяжелым хрипом принимаю сидячее положение. Зрение слегка затуманено, но я успеваю увидеть за решеткой человека. Девушку. Как только она замечает меня, то соскакивает с идентичной кровати на той стороне и быстрыми шагами преодолевает расстояние до противоположной стены. Открывает дверь и исчезает за ней.

И что это было? Местная сумасшедшая?

Осматриваю незнакомое мне помещение. Это пока единственное, что я могу делать. Руки и ноги практически не слушаются меня. Нужно немного подождать и станет слегка лучше. А потом мне нужна энергия, иначе я долго не протяну. Ну хотя бы обычной еды и воды, это тоже поможет, но процентов на пятнадцать-двадцать из ста.

Камера больше предыдущей раза в три. Разделена четко посередине металлической решеткой, но в этой решетке есть дверь, видимо, через неё сюда и попал. Так же замечаю в самом низу небольшое пространство, до которого не доходят прутья. Ага, через эту дыру я буду получать еду.

На моей половине нет ничего, кроме кровати и двери идентичной той, в которую убежала девушка. Не думаю, что это выход на волю. Хотя был бы этому рад. Я уже год здесь торчу, но практически ничего не добился. Пора валить отсюда. Вот только заберу свою "вещь" и на выход. Не интересно у них тут. Лично мне не понравилось.

Зрение постепенно возвращается, и теперь я могу разглядеть соседнюю камеру в полной мере. На кровати лежит рюкзак, рядом с ним какая-то тетрадь и карандаш. Возле кровати стоят ботинки. Ботинки? У заключенных нет такой роскоши. Кто эта странная соседка? И почему она не выходит из-за двери?

– Эй. – хрипло зову я.

В ответ тишина. Наверное, не слышит. Прочищаю горло:

– Мисс?

Кажется, за дверью, что-то упало. Надеюсь, не девушка. Может мне привиделось всё, и там никого нет? Но ботинки-то есть, значит, где-то рядом владелец.

Минут тридцать я пытаюсь совладать со слабостью и не вырубиться. Девушка по-прежнему не вышла. Я не знаю, почему она там прячется, сейчас я слишком слаб, чтобы почувствовать её эмоции.

Три стука во входную дверь. Это знак отойти к стене, вот незадача. Я не могу этого сделать, а соседка слиняла. Три стука – это еда. Два стука – медик. Других комбинаций я не слышал.

– Эй. – ещё раз зову я.

Входная дверь открывается, и появляется парень в серой форме. Но не успевает он сделать и шага, как распахивается соседняя дверь, и заключенная вылетает оттуда со скоростью света. Охранник быстро реагирует, ставит что-то похожее на поднос на кровать девушки и моментально ловит беглянку поперек живота, да так, что её ноги взмывают в воздух.

Она не сопротивляется, смотрит снизу вверх на мужчину и что-то тихо ему говорит, периодически указывая рукой на меня. Охранник сокрушительно качает головой и отвечает:

– Мисс – это приказ, я не могу ослушаться. Он же в клетке и слаб, вам нечего бояться.

Ого! Мисс? Вам? Что это за дамочку мне подселили? Или меня к ней подселили? Ничего не понимаю. Осматриваю её с ног до головы: стройная, среднего роста, слишком худая. Белые волосы по плечи. Остальное не могу разглядеть, но мне и этого достаточно, чтобы понять, что она не преступница и не какая-то бродяжка. Она слишком чиста и пуглива. Охранник разговаривает с ней слишком уважительно, любую другую на её месте уже бы воткнули лицом в пол и, не разглагольствуя, покинули камеру. Но не с ней. Так кто же ты?

Девушка ещё пару минут уговаривает охранника, но он категорически машет головой "нет". Ей богу, утомили они меня.

– Может поедим? – нарушаю я их диалог.

Стоит моим словам долететь до девушки, она замирает. Кажется, даже перестала дышать. Охранник пользуется этой заминкой и быстро покидает камеру. А девушка так и стоит ко мне вполоборота. Спина прямая, взгляд устремлен на красную кнопку у кровати. Вроде дышит, но если и так, то с моего места не разглядеть. Прикрываю глаза и собираю остатки сил, стараюсь говорить более уважительно, ведь от неё зависит буду я есть сегодня или нет.

– Мисс, не могли бы вы отдать мне мою часть еды?

Молчит. Может глухая? Да нет. Но решаю уточнить:

– Вы слышите меня?

Молчит. Да, собеседник из неё так себе. Я бы не отказался с кем-нибудь поговорить. Хоть о чем. Тема не важна. Этот год я сидел в одиночной камере и практически ни с кем не разговаривал.

Понимаю, что трачу последние силы на бесполезный монолог. Прикрываю глаза и пытаюсь понять, почему меня переселили? Зачем это странное соседство? Год держать в камере и ничего, а тут бац, и насыщенный на события день. Вот так суббота.

Шуршание. Слегка приоткрываю один глаз так, чтобы соседка не видела, что я наблюдаю за ней. Блондинка подходит к своей кровати, снимает с подноса одну тарелку и ставит её на пол. Вторая остается на подносе. Девушка берет его в руки и медленно, слишком медленно идет к решетке, разделяющей нас. Но не доходит и оставляет поднос на полу. Стой. Я же не дотянусь... Она возвращается к своей кровати, берет ботинок. Подходит с ним к подносу и носком обуви толкает поднос в мою сторону. Всё её тело напряжено до предела, я даже могу наблюдать, как дрожит её рука. Стоило девушке подойти немного ближе, меня тут же окатила волна невообразимого дикого ужаса, исходящего от неё. Это прекрасно. Я словно сделал глоток ледяной воды в жаркий полдень.

Наблюдаю за девушкой дальше. Она толкает и толкает поднос. Если бы у меня были силы и лишняя энергия я бы сейчас громко сказал: "Бу".

Но я этого не делаю и, как только она отступает на шаг, я полноценно открываю глаза. Девушка быстро возвращается к кровати и залезает на неё вместе с ногами. Она садится спиной ко мне, лицом к стене, прямо напротив красной кнопки. Хм, что это за кнопка?

Смотрю на напряжённую спину девушки и зачем-то пытаюсь показать ей свою... "человечность".

– Спасибо. – говорю я.

Она не отвечает. Ну и ладно. С трудом стекаю с кровати и подползаю к подносу. Какая-то похлёбка, ложка и даже что-то похожее на хлеб. Не думаю, что там в тарелке, опустошаю её, съедаю всё. Чувствую, как маленькая крупица энергии расцветает внутри меня. Отодвигаю поднос под решеткой, чтобы девушка смогла его позже забрать и натыкаюсь взглядом на пулю. Зачем-то поднимаю её и рассматриваю. Значит, это ты была у меня в голове. И как тебе, понравилось? Мне – нет. Надеюсь, мы это больше не повторим. Я мысленно разговариваю с пулей? Тут же бросаю взгляд на девушку. Думаю, пуля ответит мне быстрее, чем она. Убираю свинец в карман брюк.

Теперь я могу встать, что и делаю. Иду к странной двери в моей камере и открываю её. Туалет? Меня что в люкс переселили? В предыдущей камере как такового туалета и не было. Вхожу в маленькое помещение, выкручиваю кран, оттуда появляется тонкая струйка ледяной воды, умываюсь и по возможности обтираю торс, руки, шею. Если уж это люкс, почему зеркала нет? Я даже не представляю на кого стал похож, волосы отросли, борода, усы. Да плевать.

Возвращаюсь в камеру и сажусь на кровать, испытываю от этого облегчение. Смотрю на странную молчаливую девушку. Она уже поела, забрала поднос, поставила на него свою тарелку и отнесла это к самой двери. Сейчас блондинка что-то увлеченно черкает в своей тетради. Кажется, она забыла, что я здесь. Тот, которого нужно бояться.

Хотел задать ей пару вопросов, относительно нашего совместного пребывания, но не стал. Просто смотрел на то, как она что-то рисует, забыв обо всём на свете. Она собрала свои платиновые волосы в хвостик, но одна прядь то и дело выбивается из общей массы и падает ей на лицо. Девушка уже привычным движением карандаша убирает её за ухо и продолжает своё занятие.

Пару раз она закусывала губу. Однажды почти улыбнулась.

Не буду её прерывать. Она – это самое "нормальное", что я видел за последний год.

Так я и сидел.

Просто смотрел, ровно до того момента, пока она не бросила на меня осторожный взгляд. Всё это время она знала... что я наблюдал за каждым её движением.

Амели.

Как только заметила, что Мор пришел в себя, я, ни секунды не медля, сиганула в туалет. Залетела и на всей скорости врезалась в стену, поймала равновесие и схватилась за дверную ручку так сильно, что ладони онемели. Сказать, что я напугалась, это ничего не сказать. Я была в ужасе. В какой-то момент я подумала, что он не придет в себя и уже даже смирилась с тем, что меня переселят к другому Морю, к более живому.

Потом я придвинулась вплотную к двери и просто вслушивалась. До меня донёсся его хриплый голос "Эй". Я продолжила стоять, с трудом дыша, и прижимать ухо к грязной двери. Но стоило ему громче сказать "Мисс", я отлетела от двери и больно врезалась бедром в раковину. Он просто сказал это громче, а я думала, что он подошел ближе. Подумала, что он выбрался из своей клетки и сейчас стоит по ту сторону двери.

Моё сердце не выдержит такого напряжения в течении двух месяцев. Не знаю, как долго я простояла в туалете, но чувствовала себя, как загнанный в угол трусливый зверек.

Какое-то время стояла тишина, но в итоге до моего слуха долетели три стука во входную дверь камеры. Это охрана. Я возликовала и как только услышала скрип двери, тут же выбежала

из туалета и хотела выскочить из камеры, но охранник поймал меня и тем самым остановил. Я пыталась объяснить ему, что не смогу здесь находиться, что мне страшно, и Мор, который очнулся, просто убьет меня. Но охранник твердил одно и то же: "Мисс, у меня приказ." А у меня ужас, который окончательно сковал всё тело, стоило Мору вновь заговорить.

После того, как охранник ушел, и я осталась один на один с Мором, меня не покидало чувство, что лучше бы я согласилась на брак с Боа. Вот дура. Дядя сказал, что раз в неделю меня будут выпускать отсюда, и мы сможем с ним поговорить и всё обсудить. Я скажу, что согласна. И будь, что будет.

Мор очень вежливо попросил меня подать его еду. И я это сделала. Как только он закрыл глаза и уснул, я как можно тише и как можно быстрее просунула ему поднос под решеткой. Но оказалось, он не спал, а просто делал вид. Тут же сполз с кровати и всё съел. Я этого не видела, так как села спиной к нему, но прекрасно слышала все его передвижения. И как только Мор ушел в туалет, я моментально забрала поднос и унесла к двери, доела свою порцию и поставила тарелку туда же. С минуту я успокаивала себя и мысленно обещала, что всё будет хорошо, и Мору нет резона меня убивать, но это не очень помогло, и тогда я взяла свой блокнот и начала рисовать. Полностью погрузилась в свой мир, но на задворках сознания слышала, как Мор вернулся и сел на свою кровать. Я не смотрела на него, но чувствовала, что он смотрит на меня. Рисовала своего жениха, немного увеличила ему нос и мысленно усмехнулась. Дюймом больше, дюймом меньше, какая разница.

Решила, что буду вести себя так, словно я тут одна, и никакого Мора здесь нет и быть не может.

Но не выдержала и бросила осторожный взгляд... наткнулась на кристально-голубые глаза, что смотрели на меня с неподдельным интересом.

Я быстро вернула своё внимание рисунку и пририсовала жениху бородавку, которой нет, теперь его нос украшает темное пятно размером с каплю. Подарю ему рисунок на третью свадьбу. Конечно, я этого не сделаю, но стоит мне представить его шокированное лицо...

Не знаю, долго ли мы сидели в тишине, но в следующий раз, когда я повернулась в сторону Мора, он лежал на кровати спиной ко мне. Я отложила блокнот и карандаш. Легла и, смотря на медленно поднимающиеся и опадающие плечи Мора, быстро провалилась в сон.

Так прошло наше знакомство. Странно, непонятно и глупо.

5. Обычная суббота

Амели.

Прошло шесть дней. Я до сих пор нахожусь в камере. Сегодня пятница, а это значит, что я смогу поговорить с дядей, как и собиралась ранее. Но по прошествии этого времени, я передумала, ведь Мор не доставляет мне совершенно никаких неудобств. Мне кажется, что я даже стала его меньше бояться. Хотя нет, не стала. Он всё так же наводит на меня ужас, просто я привыкла постоянно быть начеку. Но я определенно стала реже поглядывать на красную кнопку.

Мы просто существуем в одном помещении и практически никак не контактируем. Единственное, что нас связывает – это еда. На второй день, как только поднос внесли в комнату, а охранник ушел, Мор поднялся с кровати и покинул камеру, зайдя в туалет. Я быстро подсунула еду и вернулась на свою кровать. И так он делает каждый раз, уходит, чтобы я могла спокойно передать его часть пищи. Если честно, это не укладывается у меня в голове. Дядя всегда говорил, что они ужасные, в них нет сострадания и вообще каких-либо человеческих чувств, но данный Мор показывает, что что-то человеческое в нем есть. Это удивительно, ведь меня с пеленок растили на историях о чудовищах, которые выглядят в точности как люди.

Пару раз он пытался со мной заговорить, но я молчала, а каждая клетка моего тела напрягалась от звука его голоса. Первое, что он мне сказал: "Почему ты здесь?" И в его голосе действительно звучал интерес и непонимание, второе: "В твоём рюкзаке есть что почитать?" Этот вопрос вообще был необычным, но кажется, что в словах, произнесенных Мором, я услышала нотку юмора. Я промолчала оба раза, и он больше не делал попыток заговорить.

Периодически ловлю на себе его взгляды, и от них мне становится неловко. Я всё время рисую или же просто лежу на кровати и рассуждаю, смотря в потолок. Думаю совершенно о разных вещах, даже о тех, в которых ничего не понимаю.

Одиночный стук во входную дверь. Принимаю сидячее положение и подгибаю ноги под себя. Дверь открывается, и входит Дюк. Его обеспокоенное лицо вызывает у меня улыбку, но не успеваю ничего сказать в знак приветствия, как из соседней камеры доносится голос Мора:

– Дружище, привет. Снова пришел выстрелить мне в голову?

Глаза Дюка превращаются в узкие щелки, а улыбка больше похожа на оскал:

– Нет, но завтра суббота, так что...

– Опять поведете меня в клетку? У вас что других Моров нет?

Дюк ещё сильнее хмурит брови и издевательски спрашивает:

– Ты же не думаешь, что я тебе отвечу?

– Надеялся на это. – безучастно сообщает Мор, лежащий на кровати.

Их разговор заканчивается, как только мой сосед демонстративно закидывает руки за голову и переводит всё своё внимание на потолок. Дюк поворачивается ко мне и кивком головы указывает на дверь. Спускаюсь с кровати и молча надеваю ботинки. Краем глаза вижу, как Мор поднимается с кровати и вплотную подходит к решетке. Обхватывает прутья руками и холодно спрашивает:

– Эй, куда ты её потащил?

Кажется, этот вопрос подействовал одинаково и на Дюка, и на меня. Какая Мору разница? Мой провожатый молчит, а я продолжаю зашнуровывать обувь.

– Я к кому обращаюсь? Куда ты её ведешь? – более громко интересуется Мор.

Опять нет ответа.

Беру рюкзак и вместе с Дюком выхожу из камеры. Что это было? Для какой цели он задает эти вопросы? Мы движемся по тоннелю, и я замечаю за спиной двоих охранников. Как только мы выходим из тюремного отсека, Дюк останавливает меня и разворачивает лицом к себе:

– Малышка, ты что разговаривала с ним?

– Нет, конечно. О чем нам говорить?

Лицо Дюка расслабляется, он удовлетворённо кивает и ведет меня дальше.

Провожает до моей комнаты и удаляется, но я успеваю заметить, что по ту сторону двери остаются двое охранников. Дядя думает, что я могу сбежать? Как глупо. Я, наоборот, хочу остаться в Скале. Ведь только ради жизни здесь я уже шесть дней нахожусь в тюремной камере с Мором. Принимаю душ, переодеваюсь и выхожу из комнаты. Иду в сторону лифта, охрана следует за мной по пятам. Поднимаюсь наверх и стучу в кабинет дяди, искоса поглядывая на мужчин, что приставлены ко мне. Кто они? Мои телохранители или мои надзиратели?

– Входи. – доносится до меня голос дяди, и я открываю дверь.

Охрана остается за порогом, это радует. Не очень люблю посторонних людей, постоянно чувствую себя скованно и неуверенно. Переступаю порог, закрываю дверь и вижу, что дядя стоит возле своего стола и внимательно смотрит на меня.

– Здравствуй. – приветствует он.

– Здравствуйте, дядя. – кивая головой, отвечаю я.

– Идем. – говорит он и шефствует в соседнюю комнату.

Иду вслед за ним и смотрю на него сверху вниз. Да, мой дядя немного нестандартный. У него нанизм, проще говоря, карликовый рост. Из-за этого все смотрят на него "странно". Почему-то люди обращают на это слишком много внимания. Например, Боа, когда он впервые увидел дядю, то перед ним предстал мужчина сорока пяти лет, ростом в сорок семь дюймов, с полностью седой головой и большими зелеными глазами. Его вообще мало кто видел, но я не раз слышала, как люди в городе шептались, что он высокий, статный и очень сильный. Но они описывали моего отца, который правил Скалой до своей смерти, а потом "трон" перешел к дяде, как бы в наследство. Народ не спорил и не возражал, ведь именно наша семья спасла их всех, дала кров, пропитание и в какой-то степени мирную жизнь.

Заходим в столовую, и я замечаю, что стол накрыт только на двоих, значит Бриона не будет. Скорее всего он опять на каком-то задании. Сажусь на своё место, дядя располагается напротив меня. Накладываю себе в тарелку ароматной еды и помимо воли вспоминаю Мора, который ест каждый божий день одно и то же.

– Гипнотизируешь? – спрашивает дядя.

– Что?

Он слегка улыбается и указывает вилкой на мою тарелку:

– Еду долго не гипнотизируй, остынет и будет не так вкусно.

– А да, конечно. – бубню я и начинаю есть.

Спустя пару минут дядя начинает говорить:

– И как тебе новая комната?

– Скучно обставлена, матрас жесткий, а в остальном всё нормально.

– Как сосед? – с нажимом интересуется он.

– Не знаю, мы не разговариваем.

– Он уже пытался напасть на тебя?

У меня уходит примерно тридцать секунд, чтобы понять, дядя знает, что рано или поздно Мор попытается на меня наброситься. А что сокамерник делает сейчас? Усыпляет мою бдительность? Я только стала относиться к нему менее боязливо.

– Нет. – в итоге отвечаю я.

– Завтра будет бой, и ты будешь присутствовать. – пережевывает очередную порцию картофеля. – И увидишь, какое он животное, и поймешь...

Дальше я старалась не слушать. Я и так знаю, для чего я там нахожусь, но пока Мор не сделал ничего дурного. Можно сказать, что я веду себя невоспитанно, а не он.

– Амели? – голос дяди снова врывается в мои мысли. – Ты слышишь меня?

– Да, конечно. – вру я.

– Тобиас. – заканчивает дядя и подняв брови смотрит на меня.

– Что Тобиас?

Дядя начинает злиться, не нужно знать его, чтобы понять, он закипает. Внешне ничем не выдает этого, но вот аура вокруг него приобретает темно-коричневые тона. Он не любит повторять дважды. Я это знаю, но... я прослушала.

– Простите, я немного задумалась. – начинаю оправдываться я.

Дядя откладывает вилку и сжимает руку в кулак. Сейчас он смотрит на меня не как дядя на племянницу, а как строгий учитель на нерадивого ученика.

– Мор, что находится через решетку от тебя, прямой потомок Тобиаса, который девять-сто девять лет назад загнал людей в рабство и начал весь этот ужас, который происходит по сей день.

О, боже! Мурашки пробегают по рукам. Вот с кем меня поселили. Теперь мне хоть что-то стало известно.

– Но он не кажется мне чудовищем...

– Завтра ты всё увидишь. – уверенно говорит дядя.

– Хорошо, дядя. – соглашаюсь я.

Больше мы не разговариваем, а просто поглощаем вкусную пищу. После того, как трапеза заканчивается, начинаю подниматься со стула, но дядя жестом останавливает меня.

– Ты даже не спросила, как поживает твой жених.

– Неудавшийся жених. – поправляю его я.

– Это пока.

Опускаюсь обратно на стул и искренне говорю:

– Мне это не интересно.

– А должно бы.

Я молчу, и дядя отвечает на вопрос, который, по его мнению, должен меня интересовать:

– Он заботится о твоём душевном состоянии и упротил меня сбавить срок твоего наказания на полтора месяца вместо двух. – делает театральную паузу и продолжает. – И я пошел ему на уступки. Так что у тебя остался только месяц и неделя на осознание важности данного брачного союза.

– А если я не осознаю?

– Прости, Амели, но это не будет иметь никакого значения. Брак состоится.

– Как Вы думаете, мой отец был бы рад выбранному жениху?

– Твоего отца нет с нами, и ответственность за тебя несу я.

Поняла, что на этом разговор окончен. Поблагодарила дядю за ужин и отправилась в свою комнату. Забрала рюкзак и в сопровождении всё тех же охранников вернулась в камеру.

Стоило мне переступить порог, дверь тут же закрылась, а Мор оказался у клетки и спросил:

– Что они тебе сделали?

– Ничего. – ответила я.

И замерла... смотря в голубые глаза.

Я заговорила с Мором спустя шесть дней, хотя Дюк запретил мне это.

После моего ответа губы Мора раздвинулись в улыбке, которая преобразила его лицо. Я не знаю, как он выглядит в нормальных условиях, но сейчас у него длинные белые волосы до плеч и борода.

Но улыбка... она творит чудеса.

Несмотря на то, что у Мора поднялось настроение от нашего максимально короткого диалога, мне стало грустно. Кажется, я только что перешла черту, за которую мне не стоило соваться.

Утро наступило слишком быстро.

А день и вовсе пролетел незаметно.

Я очень нервничаю. До сегодняшнего дня я ни разу в жизни не была на боях. Много слышала о них, но никогда не видела. Конечно, мне интересно, что именно там происходит, но думаю, мне не понравится то, что я увижу. Мор ведет себя совершенно беззаботно, сейчас он просто сидит и, не моргая, смотрит на дверь. Что происходит у него в голове в этот момент?

Тишина, она начинает давить на меня. После нашего маленького разговора, Мор больше не пытался со мной заговорить, я тем более. Неожиданно резко распахивается дверь, и четыре охранника вваливаются внутрь. У двоих автоматы, у третьего наручники и какие-то цепи, у четвертого тряпка в руках.

– Открывай. – говорит мне тот, что с тряпкой.

Прихожу в себя и быстро встаю с кровати, подхожу к решетке и начинаю открывать замки по очереди. Бросаю взгляд на Мора и наблюдаю, как его глаза прожигают ненавистью тех, кто стоит за моей спиной. Не хотела бы я, чтобы на меня так кто-то смотрел. Это жутко. Одним только взглядом обещать ужасной кары.

На меня же Мор вообще не обращает внимания, это к лучшему, боюсь, что если он глянет на меня так хоть раз, то ключи моментально выпадут из рук. Отпираю последний замок, и чьи-то руки меня просто отставляют в сторону, словно вещь. Четверка врывается в камеру к Морю. И то, что они делают с ним... ужасно. Они очень грубо заковывают его в кандалы, причем, одну затягивают так, что на правой руке у заключенного выступает кровь и стекает тонкой струйкой сквозь пальцы капая на пол. Надевают на него мешок и выталкивают из его камеры в мою. Отступаю на шаг назад. Один из охранников бросает на меня взгляд и приказывает:

– Идем.

И я иду.

Сердце колотится как сумасшедшее. Покидаем камеру, и я натываюсь ещё на шестерых вооруженных громил. Они облепляют Мора со всех сторон, я же плетусь следом за ними. Каждый шаг отдается страхом в сердце. Не хочу это видеть. Клетку, бой, смерть. Несмотря на то, что сейчас война, я... не привыкла к такому. И не хочу привыкать.

Проходим по коридорам и оказываемся в большом зале, где стоит огромная клетка. Боже! Люди. Здесь столько людей и все они гомоном кричат уничижительные вещи в сторону Мора. Они свистят. Ругаются матом. В этом зале царит неприкрытая и мерзкая ненависть.

Проходя мимо первого ряда, один из охраны останавливает меня и указывает рукой на единственное свободное место, прямо возле прохода. Так сказать, я буду находиться в первом ряду. Встаю за невысокое ограждение и наблюдаю, как Мора заводят в огромную металлическую клетку. Его там уже ожидают двое парней и одна девушка. Девушка? Я думала, в клетку входят только мужчины, но, оказалось, что нет.

Ладони покрылись липким потом. Вся эта атмосфера давит на меня и заставляет нервничать сильнее обычного. Как только с Мора снимают кандалы и мешок, в эту же секунду звучит гонг. Он разносится так неожиданно, что я вздрагиваю и хватаюсь за поручень, что служит разметкой "за предел не заходить".

Противники начинают кружить по клетке. Но это длится недолго, Мор молниеносно запрыгивает на парня, который наиболее габаритный, и валит его на пол. Тут же несколько раз ударяет по лицу, и первая кровь брызгает на каменистый ринг. Второй нападает на Мора со спины, хватая его за горло и оттаскивает от первого. Тем временем первый приходит в себя и поднимается на ноги, его улыбка – это нечто ужасное и обещающее черную месть. Мор выкручивается из рук второго, и вот они снова кружат. Кружат и кружат. Девушка старается держаться на расстоянии, и мне вообще кажется, что она там оказалась неслучайно. Дядя решил мне показать, насколько Моры ужасные, раз согласны биться с девушкой? Убить девушку?

Руки, ноги – всё идет в ход. Противники наносят друг другу удар за ударом. Мору удается захватить второго, и он придушивает его так, что тот падает на пол без движения. Он что мертв? О, боже! Хочу прикрыть глаза, но не могу. Они живут своей жизнью и смотрят на эту кровавую картину, не отрываясь.

Двое против одного, но девушка... девушку можно не брать в расчет. Так я думала. Но Мор не согласен со мной. Он срывается с места и подлетает к девушке. Сжимает её голову в ладонях, и она замирает на месте. Мурашки пробегают по рукам от холода, которым веет из клетки. Он подпитывается ею! Я не вижу его глаз, он стоит боком, но люди говорят, что их глаза приобретают невообразимый голубой оттенок и даже начинают светиться. Но ему мешает громила, он резко откидывает девушку в сторону и наносит Мору сильный удар по лицу. Пока девушка приходит в себя, я наблюдаю за схваткой Мора и человека один на один. Мне кажется, что их силы равны, но что-то подсказывает, что Мор сдерживается. Зачем? Удар, второй, третий, и человек отлетает к прутьям и медленно осаживается на пол.

О, нет! Девушка бежит на Мора, у неё в руке нож. Я до боли сжимаю перекладину, немного наклоняюсь вперед и непроизвольно кричу:

– Сзади!

Мор услышал мой крик...

Так же, как и все остальные в этом подземном зале.

На трибунах наступает гробовая тишина. Все взгляды теперь устремлены не в клетку, а на меня. Что я наделала?

Мор из клетки тоже смотрит на меня и перехватывает руку девушки налету, выкручивает её, и нож выпадает из её пальцев. Я прикрываю глаза и хочу провалиться сквозь землю. Шепот толпы заставляет меня зажмуриться ещё сильнее. Они называют меня: "Предательница", "Подстилка Мора", "Изменница" и так далее, стараюсь не слушать, но это невозможно, с каждой секундой их голоса становятся громче и громче... и вот, уже зрители вовсю скандируют "Предательница".

Чувствую, как щеки горят, слезы начинают закипать под закрытыми веками. Что я наделала? Пожалела Мора? Боже! Да меня теперь вся Скала будет ненавидеть.

Мужчина, что стоит возле меня, толкает меня в плечо, и я, оступившись, падаю на пол. Охранник начинает меня поднимать, и я вижу, как Мор подходит к краю клетки и зло смотрит на моего обидчика. Он только хуже делает. Не смотри так на людей. Не надо.

Другой охранник перекрывает мне вид на Мора, но буквально через пару мгновений толпа взрывается радостными криками. Что? Что произошло? Выглядываю из-за плеча охранника и вижу, как Мор сидит на коленях, голова склонена вниз. Девушка стоит за его спиной, ликуя, улыбается и поднимает руки вверх. Дальше я ничего не вижу, так как меня волоком тащат обратно в камеру. Что они с ним сделали? Он мертв?

Если судить по тому, как ликует толпа, то определенно да. В сопровождении двух охранников, я словно в тумане дошла до своей камеры. После того, как они вполне нежно втолкнули меня внутрь и заперли дверь, я не находила себе места. Ходила из угла в угол и не понимала, почему дядин эксперимент провалился? Я должна была переживать за людей в клетке, а я опасалась за Мора. За того, кто хочет убить нас и поработить.

Я окончательно сбрендила.

Со мной явно что-то не так.

Дверь снова открылась, и в камеру втащили Мора. Двое охранников держат его под руки, голова бойца по-прежнему свисает вниз, так же, как и руки, а босые ноги тащатся по каменному полу. Охрана внесла Мора в соседнюю камеру и просто бросила его тело на пол.

– Он жив? – тихо спросила я и не дождалась ответа.

Как только охранники удалились, я сделала два шага по направлению к нему. Но остановилась. Из его спины, между лопатками торчит нож. Они воткнули его по самую рукоять и оставили там. И кто здесь зверь?

Вернулась за аптечкой и со страхом зашла за клетку. Он дышит. Жив.

– Вытащи... его. – хрипло с закрытыми глазами просит Мор.

Опускаюсь на пол и трясущимися пальцами открываю чемодан. Зачем он мне вообще? Дезинфекция? Тянусь руками к ножу, но стоит мне его задеть, как Мор вздрагивает. Я тут же убираю руки.

– Вытащи. – снова просит он.

– Хорошо. – зачем-то отвечаю я.

Быстро хватаюсь за рукоять и тяну нож вверх. Как только лезвие покидает тело Мора, из раны начинает бежать кровь.

– Надо... зашить? – шепотом спрашиваю я.

– Нет. – говорит Мор и открывает глаза, сглатывает ком. Медленно и тихо спрашивает. – Мне каждый раз нужно быть при смерти... чтобы ты заговорила со мной?

Раздумываю секунду и произношу более-менее уверенно:

– Нет.

6. Спроси

Тони.

Воскресенье.

На данный момент единственное, что мне известно так это то, что сегодня воскресенье. Но для меня это ровным счетом ничего не значит. Ещё один день взаперти.

Вчера была суббота, очередной бой. И я проиграл. Опять. Думаю, в следующий раз я не буду щадить людей и просто разорву их на части. Мне осточертело, что в меня постоянно летят пули и ножи. Хватит.

Каждый раз, заходя в клетку, я знаю, что никого не убью. Если честно, то мне просто жаль этих людей, они не понимают, насколько жизнь коротка и тратят её на никчёмное существование. Для чего мои противники выходят на бой? Для того, чтобы потом за кружкой горячительного сказать, что они дрались с Мором, вышли и смогли его одолеть? Рассказывать своим детям, как храбро они противостояли чудовищу? Или просто для того, чтобы снять легкодоступную даму на ночь? Я не знаю, но всё это не стоит того, чтобы умереть не в сражении, а в подстроенной кем-то бойне.

Люди вообще странные.

Не все, конечно, но большинство.

Например, моя соседка по камере. Кто она вообще такая? В пятницу её увели, и я подумал, что ей причинят боль, будут пытать или что-то вроде этого, но нет. Она вернулась в чистой одежде, и следов насилия я на ней не заметил. Потом её для чего-то потащили на бой. Зачем? Как мне известно, заключенные в этой части Скалы только Моры, что вообще здесь забыла человеческая девушка?

Вчера, когда я был в клетке, она удивила меня. Её предупреждающий крик эхом разнесся по залу. Я знал, что девушка-боец бежит ко мне со спины, чувствовал её страх и предвкушение победы. С ней я бы справился и сам... но моя сокамерница решила мне помочь. Очередные вопросы. Зачем? Почему? Я нашел её глазами и увидел до боли несчастное лицо. Она буквально в ту же секунду пожалела о том, что сделала, но было уже поздно, люди не забудут ей этого промаха. Никогда.

Я отбил удар девушки-бойца, что хотела напасть на меня со спины, но не мог оторвать взгляд от несчастной блондинки, которую начал толкать мужчина из толпы. Потом охрана набросилась на неё и куда-то потащила. И в этот момент я потерял бдительность.

Как только широкая спина охранника в серой форме преградила мне вид на сокамерницу, я сделал шаг вперед и тут же получил удар ножом в спину. Эта сука повредила мне спинной мозг. Я осел на колени и даже не мог поднять голову, чтобы увидеть, куда именно увели блондинку.

Толпа ликовала. Для них боль Мора слаще Рождества. Под громкие крики людей, призывающие девушку добить меня, я просто сидел на коленях и ничего не мог сделать. Беспомощность – худшее чувство. Я это знаю, испытал его в полной мере.

Чувствовал, как девушка-боец приближается ко мне снова и понимал, что сейчас она меня добьет.

Очередная смерть.

Очередная агония.

Но перед этим я хочу увидеть нечто прекрасное, а не каменный пол, на который я сейчас смотрю. Прикрыл глаза и вновь увидел одну из немногих картин в своей голове. Тех картин, которые принадлежат только мне и ей.

Темноволосая голубоглазая маленькая девочка бежит ко мне. На ней надето светло-голубое платье, волнистые волосы развеваются от скорости её бега. Она улыбается и во всё горло

кричит "Папа". Я испытываю счастье, такое, что ни с чем в этой жизни не может сравниться. Но Сара не успевает добежать до меня, мои глаза распахиваются в тот момент, когда девушка-боец вонзает уже торчащий из спины нож до конца. И я падаю на каменный пол, спустя минуту перед моими глазами появляются серые ботинки охранника, несколько пар рук поднимают меня и волоком тащат обратно в камеру. Они не добились меня... почему-то.

Я испытал облегчение, когда увидел, что девушка-соседка тоже в камере, видимых повреждений я на ней не наблюдал. Но её лицо. Мокрые щеки. Почему она плакала? Ей сделали больно? Или ей страшно? В женской голове невозможно разобраться. Никакие намеки не помогут мужчине понять, что в ней творится. А так как девушка со мной не разговаривает, я даже не буду пытаться.

Но она снова удивила меня.

Причем дважды.

Мало того, она вынула нож из моей спины, так она ещё и заговорила со мной. Но после того, как лезвие покинуло моё измотанное тело, блондинка быстро ретировалась и закрыла за собой дверь-решетку. Заперла на все замки и удалилась в туалет. Её долго не было, я уже успел прийти в себя и даже смог подняться на ноги и по максимуму смыть с себя кровь. Меня, в отличие от сокамерницы, не выводят в ванную, и всё, чем я могу довольствоваться – это тонкая струйка ледяной воды, но мне раз в неделю приносят чистую одежду. И на этом спасибо.

Несмотря на то, что вчера девушка заговорила со мной, больше мы это не практиковали. Я всё чаще и чаще просто сидел с закрытыми глазами и виделся со своей дочерью.

Я так скучаю...

Никогда не думал, что по кому-то можно тосковать так сильно, что все внутренности превращаются в требуху, а душа физически начинает кровоточить. Эти моменты... одновременно приносят непомерную радость и доставляют щемящую боль. Но без этих кратких встреч я бы не протянул здесь целый год, а то и больше.

Открываю глаза и ловлю на себе пристальный взгляд блондинки. Но как только она встречается с моими глазами, то тут же отводит глаза в сторону. Она ещё не определилась, как вести себя со мной.

– Спроси. – говорю ей.

Она молчит.

– Если тебя что-то интересует, то просто спроси.

Но она снова молчит.

Я вижу, как она борется с собой, её что-то волнует, и, видимо, ответ на это могу знать именно я. Но она перебарывает себя и, не произнося ни слова, снова берет свой блокнот и что-то там рисует. Ложусь на жесткий матрас и смотрю в потолок. Это одно из немногих занятий, которые доступны мне.

Так мы прожили ещё шесть дней. Молча, изредка бросая друг на друга короткие взгляды. Пятница.

Снова пришел громила Дюк, тот, что частенько стреляет мне в голову. Он забрал с собой мою сокамерницу, и они удалились. Я остался в камере один и начал обдумывать план побега. Теперь уже настоящего. Выяснить мне о Скале практически ничего не удалось, но торчать здесь столетиями я не собираюсь.

Спустя несколько часов блондинка вернулась. Опять в другой одежде, но не это привлекло моё внимание. Она плакала. Тихо, но очень долго. На её левой щеке виднелся красный след от чьей-то ладони.

– Что случилось? – спросил я.

– Расплата. – ответила она, лежа на кровати спиной ко мне.

7. Расплата

Амели.

Что-то в моей жизни определенно пошло не так. Раньше я не знала хлопот и проблем. Но сейчас... чтобы избежать нежеланного брака, сижу в камере с Мором. Дядя стал презирать меня, я увидела это на его лице сразу, как только вошла в кабинет. Он посмотрел на меня так, словно я предала его самым ужасным способом. Но я не предавала. Просто растерялась. Я никогда не была на боях и не видела, с какой жестокостью люди и Моры сражаются в клетке. Боюсь представить, что происходит за пределами Скалы, я совсем не готова к жизни вне этих стен. Дядя не сказал мне ни единого слова, молча прошел в столовую, я следом за ним. Но стоило мне только переступить порог, я замерла на месте. Стол был накрыт на троих, а на небольшом отдалении от накрытого пахнувшей едой стола находился Боа. Он стоял спиной ко мне, но, обернувшись, тут же преодолел разделяющее нас расстояние. Я отступила на шаг, но его рука вцепилась в моё предплечье и принесла с собой неприятную боль.

– Я скучал по тебе. – сказал он совершенно безэмоционально. Отпустил руку и взял моё лицо в ладони, я не успела даже подумать, а его губы накрыли мои. Такие холодные и бесчувственные.

Он отпустил меня и отступил на шаг.

– Здравствуй. – сказала я ему запоздало.

Глаза Боа запылали гневом. Что произошло? Почему он в одно мгновение изменился в лице? Он сжал губы в тонкую линию, замахнулся и со всей силы ударил меня по щеке. Да так, что я потеряла равновесие и упала на пол. Боже, как больно! Слезы не заставили себя долго ждать и тут же брызнули из глаз.

– Я был там. Но ты меня не заметила. Я сидел прямо напротив тебя и смотрел за твоей реакцией. Но не получил того, что желал. – он замолкает и присаживается на корточки рядом со мной. Я отстраняюсь от него. Не знаю, чего от него ещё можно ожидать. Я его боюсь. Боа щурит глаза и спрашивает. – Что это было? Амели, ты же понимаешь, что моя будущая жена не может себе позволить сострадание к этим чудовищам? Они разрушили наш мир. Захватили его и уничтожили. Держали людей в рабстве и подпитывались ими, словно... люди – это батарейка. Они убили твоего отца! Моры до сих пор хотят завладеть Землей и уничтожить нас. А что делаешь ты? Жалеешь жалкого Мора? Не людей, которым он причиняет боль, а его. Почему?

Бросаю взгляд на дядю, который сел за стол и поглощает еду, словно ничего не происходит. Он не встал на мою защиту и даже не хочет услышать моих оправданий. Очередные дорожки слез появляются на щеках.

– Я задал тебе вопрос.

– Я... я не знаю. Я растерялась.

Боа цокает и отрицательно качает головой.

– Это плохо. Ты должна быть сильной, а не слабой. Понимаешь? Твой статус изменится уже через месяц, и я хочу видеть рядом с собой сильную и уверенную в себе женщину, а не плаксивую и слабохарактерную девчонку. – замолкает, протягивает руку к моему лицу, но я отворачиваюсь от неё. Но Боа неумолим, хватает меня за подбородок и заставляет смотреть ему в глаза, склоняется к моему лицу ещё ближе и говорит. – Идёт война, и слабым в этом мире нет места.

Голос дяди звучит неожиданно и громко:

– Достаточно, Боа, я думаю, Амели и так всё поняла.

Боа отпускает меня и встает в полный рост, подает мне руку, и я, скрипя сердцем, принимаю её. Встаю, утираю слезы, и мы рассаживаемся за стол. Дядя и Боа ужинают и беседуют о насущных делах. Они ведут себя так, словно ничего не произошло. Ладно Боа, я вообще его не

знаю, но дядя... он же вырастил меня и никогда не давал в обиду. Неужели всего одно слово, брошенное в сердцах, изменило его отношение ко мне? Сегодня я не чувствую вкуса еды. Стараюсь не поднимать взгляд от тарелки и тихо ненавижу себя. Боа правильно сказал, я слабая. Ничего не умею и ничего не знаю про внешний мир. Да что там мир, я даже в отношениях людей не разбираюсь. У меня толком никогда не было подруг и друзей, тех, с кем бы я могла что-то обсуждать, делиться секретами и так далее. Мне и не хотелось. Но хочется сейчас...

После трапезы меня проводили в камеру. По дороге до неё у меня снова покатались слезы. Я ничтожна. Не могу постоять за себя. Постоянно испытываю страх. Сегодня я лишний раз убедилась, что не могу выйти замуж за Боа. Я боюсь его, и если останусь с ним наедине, то не смогу дать отпор. И он сможет делать со мной что угодно. Я не глупая и понимаю, что он рано или поздно захочет интимных отношений, а я навряд ли смогу ответить ему взаимностью. Он мне противен и, кажется... что я его ненавижу. Таких чувств я никогда ни к кому не испытывала. И не хочу испытывать впредь.

Вернулась в камеру и старалась не смотреть на Мора, почему-то я не хотела, чтобы он видел меня такой разбитой и потерянной. Легла на кровать лицом к стене и уставилась на красную кнопку. Жаль, что такой кнопки не было в столовой дяди, там я бы обязательно ей воспользовалась.

– Что случилось? – спросил Мор.

– Расплата. – ответила я и зажмурила глаза. Расплата всего лишь за одно неосторожное слово. А что будет, если я когда-нибудь решу перечить Боа? Даже думать об этом не хочу.

Мор больше не лез ко мне с вопросами. И я благодарна ему. Не знаю, стала бы я отвечать, но боюсь, что да. И в будущем мне это только навредит.

Сегодня очередная суббота, я снова пойду смотреть на бой. Я буду молчать. Чтобы там ни случилось, я буду молчать. Но сейчас смотрю на Мора, который гипнотизирует дверь. Он ждет. Ждет свой конвой и последующий бой.

Чувствую нервозность. Если бы была моя воля, я бы не пошла туда. Осталась бы здесь и просто сидела. Пальцы немного трясутся, а мысли прыгают одна за другой. Я прекрасно понимаю, что переживаю за Мора. Ни оттого, что я считаю его хорошим. Нет. Я просто думаю, никто не заслуживает того, что делают с ним. Это отвратительно. Люди превратили бой в травлю одного Мора, против которого выходят несколько противников, при том, у них есть оружие, а у него нет ничего. Я не могу позволить себе чувствовать к нему что-то... он не человек. Так мне всегда говорили, но...

Через месяц я уеду отсюда, а он останется и проведет остаток своей жизни здесь. В аду.

Открывается дверь, и снова вваливаются четверо охранников. Не жду приказа, встаю и открываю замки на решетке. Ловлю взгляд Мора и чувствую себя одной из тех, кто ведет его на очередной бой, на очередную боль. Отступаю на шаг назад и тяжело вздыхаю. Но я ничего не могу сделать. Не мне его спасать. Я себя-то не в состоянии защитить. Охрана врывается к Морю, надевает на него кандалы, мешок и выводит прочь. Я молча слеую за ними. Как всегда куча охраны для одного скованного Мора.

Стоит нам войти в зал, толпа замолкает, но это длится ровно пять секунд, потом начинается вакханалия. Люди, как сумасшедшие кричат, топают, свистят, но в этот раз не появление Мора вызвало такой шквал эмоций, а я. Они не простят, они не забудут.

Слишком много унижений летит в мою сторону, но я целенаправленно иду к своему месту, Мора тащат дальше. В клетку. Там его ожидают шесть человек! Шесть! Боже! Да они издеваются.

Прохожу на своё место, но не могу оторвать взгляд от клетки, с Мора уже сняли мешок и кандалы. Вижу, как он вызывающе поднимает одну бровь вверх и оценивающе смотрит на мужчин, что стоят перед ним.

– Я бы не советовал тебе... так смотреть на него. – произносит голос справа от меня.

Оборачиваюсь. Только не это лицо! Пожалуйста. Любое другое, но не это. Рядом со мной сидит Боа и улыбается уголками губ.

– Я специально остался, чтобы проконтролировать тебя. Завтра я уезжаю, но ты не переживай, я постараюсь приехать на очередной ужин у Максвелла.

Наклоняется и целует меня в губы. Я не отворачиваюсь, не дышу, не отвечаю. Я просто в шоке от того, что он здесь. Боа отстраняется от меня и шепотом говорит:

– Смотри, а то пропустишь самое интересное.

Поворачиваюсь и наблюдаю за боем. Он уже начался, я так выпала из реальности, что даже не услышала гонг. Мор ведет себя... иначе. Более агрессивно, более вспыльчиво. Он наносит сокрушительные удары, один за одним. Люди в прямом смысле слова летают по клетке, ударяются о прутья и падают на пол. Хватаюсь за поручень и задерживаю дыхание. Что изменилось? Почему он изменил свою тактику? Или в прошлый раз он казался тем, кем не является? Я запуталась окончательно. Сегодня против Мора поставили только мужчин, причем они все больше его, выше, шире. Но несмотря на то, что их шесть, а Мор один, они пока не нанесли ему ни одного удара. Он порхает, кажется, что каждое движение, удар, прыжок не доставляет ему никаких усилий.

– Он – животное. – шепчет мне на ухо Боа. От жениха у меня волосы на шее дыбом встают.

– Да. – отвечаю я, как и ты. Как и все мы.

Трое мужчин лежат без движения. Он убил их? К Морю подбегает один из противников, но он, кажется, знает об этом, несмотря на то, что мужчина нападает со спины. Мор оборачивается и со всего маху бьет того ногой по лицу. Мужчина падает на пол прокрутившись перед этим в воздухе, но тут же начинает вставать. Он дезориентирован. Мор убийственно смотрит на противника.

Нет. Не делай этого. Мысленно прошу его я.

Но Мор уверенно заходит к мужчине за спину, наклоняется... хруст. Мор свернул ему шею. Он убил его. Я, кажется, забыла, как дышать. Я сижу в одной камере с убийцей. Наблюдаю, с каким безразличием он отпихивает ногой человека и поворачивается к двум оставшимся. Склоняет голову набок и рукой приманивает их к себе. Но они не двигаются с места, пока толпа не приходит в себя и не просит смерти Мора. Замечаю у одного из мужчин пистолет. Откуда он у него взялся? Это же нечестно. Амели, боже, что ты творишь?

Он убил человека у меня на глазах, а я всё равно переживаю за него. Полнейший провал дядиного плана.

Тем временем противник производит выстрел, и пуля попадает Морю в плечо. Кажется, это только разозлило его. С громким криком он срывается с места и налетает на стрелявшего, сбивает его с ног, и они падают на пол. Пистолет улетает за пределы клетки. На этом моменте я выдыхаю. Но потом моё дыхание снова прекращается. Мор берет человека за голову и сильно бьет того головой о каменный пол. Один. Два. Три. Я слышу, как голова раскололась, словно разломил надрезанный арбуз. Кровь быстро растекается вокруг головы мертвеца. Я уверена, что он мертв. С такими увечьями не выжить. Тошнота подходит к горлу, не могу больше на это смотреть. Зажмуриваю глаза, и пытаюсь восстановить дыхание, которое в край сбилось.

– Смотри! – громко говорит Боа. Я вообще о нем забыла.

Открываю глаза и наблюдаю за тем, как Мор медленно движется в направлении последнего бойца. Сердце пропускает пару лишних ударов. Сейчас он и его убьет. Но человек неожиданно останавливается и просто смотрит на Мора, глаза которого начинают неистово гореть холодным голубым сиянием.

Это ужасно-удивительно. Я никогда не видела такого. Поднимаюсь на ноги и подаюсь немного вперед, но рука Боа резко опускает меня на место. Мор уже вплотную подошел к мужчине, и я наблюдаю, как тот начинает в прямом смысле слова замерзать.

Черета выстрелов разносится по залу. Хватаюсь за поручень и сжимаю его настолько сильно, что чувствую боль в суставах. Дюк стоит за решеткой и расстреливает Мора со спины. Но некоторые пули попадают и в человека, которого Мор удерживает на месте. Они оба падают. Мор на колени и упирается руками о пол, мужчина, словно льдина, со стуком падает на пол. Он определенно мертв. Не из-за того, что Мор с ним сделал, а из-за пулевого отверстия в голове. Это точно прикончило его, даже если он и был жив до этого.

– Уведите её! – командует Боа, и меня поднимают с места и уводят из зала.

Он их убил. Мор всё-таки убил этих людей. Дюк убил Мора и одного из бойцов.

Столько крови.

Столько боли.

Столько смертей.

Тяжело дышать. Останавливаюсь, упираюсь ладонями о каменную стену и склоняю голову вниз. Дышу. Дышу. Но ничего не получается, кислород не попадает в легкие. Я словно рыба на льду. Не могу дышать. Перед глазами всё плывет. В ушах стоит гул, который с каждой секундой только увеличивается. Хочу прикрыть уши, чтобы не слышать его, но не могу отпустить стену, так я точно упаду. Воздух, где же он?

– Идем. – говорит охранник.

Хочу ему ответить, но не могу. Воздуха не хватает. Его просто нет. Охранник поворачивает меня, и я вцепляюсь мертвой хваткой в его серую куртку. Мужчина осторожно берет моё лицо в ладони и что-то говорит. Сначала я не могу разобрать его слов. Гул, он стал очень громким и мешает мне услышать слова охранника. Но всё же я понимаю его.

– Смотри на меня. Успокойся. Дыши медленно. Повторяй за мной.

И я слышу тихий голос мужчины в серой форме. Неотрывно смотрю в его глаза и пытаюсь повторять медленные вдохи и выдохи так, как показывает мне он. Не знаю, сколько мы так стоим, но я начинаю дышать. Дышать нормально.

– Спасибо. – говорю ему я.

– Не за что. – отвечает он, слегка улыбается и отстраняется от меня.

В итоге я дошла до камеры, в которой меня снова закрыли, но Мора так и не привели. Прошло уже слишком много времени, а он так и не появился. Где он? Что с ним? Может его убили? Или сбросили со скалы? На самой окраине Скалы есть дамба, она давно уже не функционирует как надо, но само сооружение осталось, и именно там на большом помосте происходят наказания. Особенные наказания. Надеюсь, что Мор не там, иначе я могу его не ждать. Оттуда никто не возвращается.

Я несколько раз умылась холодной водой, походила из угла в угол, даже один раз зашла на территорию Мора. Это было как-то странно, быть там, когда его нет. Я быстро вышла и села на кровать. Ждала и ждала. Я не знаю, как относиться к нему, или... к людям. Я не понимаю, кто хороший, а кто плохой. Существует ли такая градация? Не заметила, как уснула, но продлилось это недолго, меня разбудил скрип входной двери. Мора вновь внесли волоком и бросили на пол в его камере.

Охрана ушла, и только тогда я посмотрела на Мора. И крик ужаса вырвался из меня. Закрываю рот рукой и не могу поверить в увиденное.

О, боже!

Его спина. Там нет живого места. Кровь, мясо. На спине нет кожи. Её сняли? Её срезали с него. Не могу удержать рвотные позывы и убегаю в туалет. Что они с ним делали? Слезы каплют из глаз. Мне так его жаль. Беру себя в руки и возвращаюсь в камеру. Мор лежит на животе, руки и ноги раскиданы в разные стороны, голова лицом повернута в мою сторону. Его глаза открыты. Нет. Он не может быть в сознании. Он изредка моргает и смотрит на меня. Подлетаю к своей кровати и хватаю чемодан с медикаментами. Подхожу к Морю и сажусь на колени возле него. Боже! Я не могу смотреть на его спину.

– Ч-что мне делать? – спрашиваю его, хотя не уверена, что он в состоянии говорить.

– Пули... – еле разлепляя губы, шепчет он.

– Вытащить пули. Поняла. – смотрю на спину и не понимаю, как мне найти место, где эти пули находятся. Тут просто месиво. Кровь уже дотекла до меня.

– Плечи... – еле шевеля губами подсказывает мне Мор. Хорошо, значит начну с плеч.

Достаю раствор и наливаю на плечо, Мор не шевелится. Вижу отверстие и пытаюсь достать снаряд. Получается далеко не сразу. Закусываю губу до крови и пытаюсь причинить Морю как можно меньше дискомфорта. Возможно, это у меня получается, так как он лежит и вообще не шевелится, не кричит, не стонет. Помимо этой пули я извлекаю ещё четыре. Больше не вижу. Всматриваюсь в кровавый ужас, но ничего не могу найти. Наклоняюсь к лицу Мора, его глаза закрыты. Не знаю, услышит ли он меня, но всё же спрашиваю.

– Есть ещё? Есть ли ещё пули внутри тебя?

Тишина. Руки все в крови, дрожат, с трудом удерживая пинцет.

– Нет... – с закрытыми глазами отвечает он.

Он в себе. Выдыхаю с облегчением. Пуль больше в нём нет, значит мне не нужно снова тревожить его израненную спину.

– Что мне делать дальше?

Тишина.

Ответ Мора:

– Ничего.

– Хорошо. – говорю я и осматриваю себя. Я вся в крови. Руки, ноги, всё вокруг в красных подтеках.

Остаюсь сидеть рядом с ним. Не убегаю к себе в камеру, а почему-то остаюсь здесь. Не знаю, сколько так просидела, но я наблюдала за тем, как раны на его спине начали затягиваться. Это магия. Увидеть нечто такое своими глазами. Я многое слышала о их регенерации, но не представляла, что такое вообще возможно.

Прошло несколько часов, а Мор так и лежал на животе с закрытыми глазами.

– Спасибо. – сказал он тихо и, кажется, снова впал в сон.

Я не нахожу, что ответить. Мне почему-то хочется его приободрить. Сказать что-то хорошее, но я не уверена, что в его жизни вообще будет что-то хорошее. Смотрю на его открытую ладонь, которая лежит возле моих коленей. Медленно протягиваю руку, но останавливаюсь так и не коснувшись его. Сердце набирает обороты. Что я делаю?

– Поспи. – зачем-то говорю я и ухожу в свою камеру. Убираю инструменты на место, максимально смываю с себя кровь и ложусь на кровать. Долго смотрю на Мора и спустя время тоже проваливаюсь в сон.

8. Диалог

Амели.

Прошло ещё три недели.

Из этого следует, что я присутствовала на трех мучительно долгих ужинах в компании дяди и Боа. Они профессионально делали вид, что меня нет в столовой, и в открытую обсуждали планы на будущее. Что они сделают сразу же после свадьбы, как нападут на Бенджамина Аллена. Как покарают Аномальных и многое другое. Порой их рассуждения кажутся нелогичными и глупыми.

Старалась особо не вслушиваться в их диалог. Мне стало казаться, что в этот мир, где присутствуют званые ужины, красивая одежда, вкусная еда, я больше не вхожу. Я, словно сторонний наблюдатель, а не полноценный член этого общества. И, сидя там за столом, в какой-то момент поймала себя на мысли, что хочу быстрее вернуться в камеру. Мне стало там намного уютнее, чем здесь.

Также за это время было проведено ещё три боя в клетке. Я по-прежнему сидела на своём месте, Боа, к счастью, со мной больше не было. И каждый раз, идя на эти бои, молилась о том, чтобы Мор остался жив и максимально невредим. Перестала спорить сама с собой и думать о том, кто хороший, а кто плохой. Как бы это глупо не звучало, я считаю, что Мор в данной ситуации – это белая сторона, а вот мой вид – темная.

Он выиграл все три раза, но, несмотря на это, в конце его всегда расстреливал Дюк, а я потом вынимала пули и также сидела рядом с ним на полу и ждала, когда раны начнут затягиваться. Как только это начинало происходить, я поднималась и уходила к себе.

За всё это время у нас с Мором был всего один диалог... и начала его я. Если честно, то мне просто захотелось понять их природу. Кто они, для чего здесь и каковы их планы относительно людей. Я не рассчитывала, что он расскажет мне что-то, но решила рискнуть.

Этот диалог произошёл перед боем ровно неделю назад. Я сидела на своей кровати, Мор на своей. Он так же, как и всегда просто гипнотизировал входную дверь. Я видела, как он сражается, и у меня в голове не укладывается, как его могли схватить. Набираю побольше воздуха в легкие, побольше храбрости в сердце и спрашиваю:

– Как тебя поймали? – после того, как слова были сказаны, я увидела поистине удивленный взгляд. Мор не стал делать акцент на том, что я сама с ним заговорила, а просто ответил.

– Я шел мимо Скалы, и меня схватил отряд из пяти человек.

Из пяти человек? Да он бы расправился с ними за две минуты и пошел дальше. Но тут меня осеняет:

– Ты сам хотел сюда попасть? – почему-то шепотом спрашиваю я.

Мор дарит мне мимолетную улыбку и отвечает:

– Что-то типа того.

– Зачем?

– Пусть этот вопрос останется вопросом.

– Хорошо.

Мы замолчали. Ну так получается же, что я ничего не узнала. Поднимаю взгляд на Мора и собираюсь задать очередной безобидный вопрос, но он опережает меня:

– За что ты здесь?

Мне почему-то так стыдно говорить причину своего пребывания в этой камере. Хотя какая разница, скажу я ему или нет? Ведь скоро наступит день икс, и меня увезут из Скалы, а Мор останется здесь навсегда. И мы больше никогда не увидимся, следовательно, не важно, что именно мы будем обсуждать. И я всё же сказала:

– Не захотела выходить замуж.

Секунду Мор молчал, но всё же выдал реакцию:

– Ого. Ну и нравы у вас.

– Да. А у вас?

– Что у нас?

– Какие нравы? – начинаю ерзать на месте. – Чем вы отличаетесь от людей?

Но Мор не ответил. Он молча смотрел на меня, и я уже было подумала, что спросила что-то запретное, и хотела попросить прощения за это, но он заговорил.

– Я не думаю, что мы сильно отличаемся. Просто мы живем немного дольше, нас сложнее убить. – широко улыбается и склоняет голову набок. – Ну и мы однозначно красивее многих ваших представителей и определённо умнее.

Это вызвало у меня тихий смешок.

– И скромнее. – добавила я.

– И это тоже. – согласился он и тут же стал серьезным. – Раньше у нас было много абсурдных "законов". Например, женщина всегда была лишь приложением к мужчине. Но это изменилось сразу после падения Новой Империи. Также были запрещены дети от смешанных браков. Но и это прошло.

– У людей в истории тоже немало глупых законов.

– Вот именно. – соглашается Мор. Его лицо становится серьезным. – Можно вопрос личного характера?

Нет, конечно. Моё сердце начинает набирать обороты. Что за личный вопрос? Зачем личный? Нет, нельзя! Но интересно, что это за вопрос такой. Но о личном нельзя!

– Да. – отвечает мой язык, не посоветовавшись с мозгом.

– Почему ты не захотела замуж? Он что старый урод?

А, такой вопрос. Ну это не личное, это достояние общественности, поэтому тут же отвечаю:

– Нет. Он молодой, но...

– Но что? – спрашивает Мор и слегка подается вперед.

Отвожу взгляд в сторону. Вот это уже личное, но я всё равно отвечаю тихим голосом:

– Я боюсь его.

– Ты боишься его настолько, что выбрала жизнь за решеткой?

– Нет, брак состоится. Так или иначе.

– А смысл тогда в чем?

– Дядя решил, что я должна увидеть всю прелесть этого брака, ведь мой жених поможет ему одолеть твой вид. А я должна понять, какое ты... чудовище.

Наступает тишина. Я слишком многое сказала. Не стоило вообще заводить этот разговор.

– И ты поняла это? – спустя минуту спрашивает Мор.

Я не успеваю ответить. В камеру вваливаются охранники и рассредотачиваются в моей части помещения. В этот раз даже не вздрогнула от их визита, смотрю только на Мора. Поднимаюсь с кровати и подхожу к решетке. Отпираю замки по очереди и на последнем отвечаю ему:

– Пока я не увидела чудовище.

И всё по новой.

Кандалы. Мешок. Коридор. Клетка.

Бой. Победа. Пули. Камера.

9. Прошлое

Тони.

Прошло уже больше месяца, как меня перевели в эту камеру и подселили ко мне соседку. В очередной раз она вынула пули из моего одеревеневшего тела и спустя время удалилась к себе. А я так и продолжаю лежать на полу и испытывать рвущую боль. Физически чувствую, как клетки моего тела сходят с ума от трансформации, но сегодня я исцелюсь быстрее, так как успел подпитаться в клетке аж двумя противниками.

Прикрываю глаза и снова вижу Сару. На этот раз ей пятнадцать лет, и она спорит со мной. Её глаза горят праведным гневом, маленькие кулачки сильно сжаты. От понимания того, что спор ей не осилить и не переубедить меня, она пару раз топнула ногой. Я прекрасно помню этот момент, она хотела пойти на свидание с долговязым Патриком, а я не отпустил.

Надо было отпустить. Не стоило держать её все время возле себя, но уже ничего не изменить.

Всё это в прошлом.

Моя дочь... в прошлом.

Открываю глаза и вспоминаю свою жизнь. Она была разной. Абсолютно разной. Я прожил сто сорок лет и за это время совершил немало плохого. Иногда были и хорошие поступки, но их не так много.

До появления Новой Империи я мыслил до ужаса однобоко. Единственной целью в жизни было порадовать отца, доказать ему, что я способен на большее, что я силен и умен. Но это было не так. Я был глуп, слаб и недалек. Но потом в моей жизни случилась одна из роковых встреч. При странных обстоятельствах я познакомился с человеческой девушкой. Она была милой и очень много говорила. Серена – так её звали. Но наше знакомство было слишком мимолетным. Чуть больше полугода мы были вместе. И мне стыдно признаться, но я не помню её лица, но я прекрасно помню свои ощущения рядом с ней. Раньше я думал, что это любовь, но сейчас предполагаю, что это не совсем так. Она дала мне гораздо больше, чем чувство влюбленности, она подарила мне понимание того, что меня можно любить и воспринимать таким, какой я есть. Она дала мне уверенность в том, что я не настолько плох и достоин счастья, несмотря на все ужасы, которые совершил. Серена была удивительной. Таких как она больше не существует. Не для меня. Но её отняли. И это было больно. Слишком больно, ведь в один день я лишился Серены и нашего нерожденного дитя. Её убил человек по имени Джон, он всех водил за нос и притворялся хорошим человеком, но он не являлся таковым. Он вонзил нож Серене в живот, и она умерла в лесу, лежала там, такая бледная... в луже своей крови. Эта картина преследовала меня слишком долго. Но у нас не было времени, и я отправился в город, где прятался Тобиас, мы должны были исправить ошибку. Наша задача была убить правителя Новой Империи. И мы сделали это, но цена была слишком высока, я потерял Серену и нашего будущего малыша, который не успел сделать ни единого вдоха.

После нашей победы по приезду в город нас ждал мой отец, сам Бенджамин Аллен, он приготовил пламенную речь, но я не стал слушать пустых слов и ушел. Спустя сутки я похоронил Серену в самом центре города и поставил ей памятник в виде высоченного металлического столба, который исписан снизу доверху её именем. Прошло уже больше девяноста восьми лет, а столб по-прежнему стоит, и к нему приходят и люди, и Моры из нашего города, чтобы поклониться женщине, которая пожертвовала собой, чтобы другая женщина смогла оборвать жизнь правителя Новой Империи.

Это была моя первая болезненная потеря в жизни.

Я никогда не думал, что терять кого-то настолько сложно и больно.

С каждой потерей безвозвратно уходит важная частица тебя.

Через два года, как не стало Серены, погиб её пёс Пончик. Я забрал его себе и бывало, сидя вечером дома, разговаривал с ним, но моего монолога ему явно было недостаточно, и я не знаю, как это возможно, но пёс каждый день ходил к столбу и просто ложился возле него. В один из дней он так и не вернулся... я знал, где его искать. Пришел к столбу и увидел Пончика, который свернулся в клубок и не двигался. Рейчел говорила, что он умер от скорби, он так и не отошел от смерти Серены.

Зная то, как Серена обожала своего пса, я похоронил его рядом со столбом. И в тот момент, когда я закапывал собаку, то понял, что у меня больше ничего нет.

Ничего не осталось.

И я больше не хотел никаких привязанностей.

Я понял, что не обязательно быть ублюдком, можно приносить какую-то пользу. Как Серена.

Снова вернулся в армию отца, я отсутствовал там чуть больше года. Меня отстранили по просьбе моего сводного брата Адама. Он видел, как я бросался в самую гущу сражений, и понимал, что я хотел умереть, но также Адам понимал, что мне нужно время.

И оно прошло.

Я вернулся в армию. Потому что не знал, что ещё мне делать.

Ходил в одном отряде с Адамом, под его руководством. Раньше бы меня это разозлило, но наши отношения изменились, я больше не испытывал к нему той ненависти, что сжирала меня раньше. Он всегда прикрывал меня, а я его. Мы всё делали настолько слажено, словно у нас одна голова на двоих.

Но и это прекратилось.

Это тоже ушло в прошлое.

В июне... через десять лет после падения Новой Империи Адама не стало. В этот же день не стало и его супруги Рейчел. Она никогда не покидала стен города, девушка решила, что война – это не про неё, и мирно работала внутри города. Но один раз. Всего один чертов раз она поехала вместе с Адамом за периметр.

В тот день на наш отряд напали, и Адам вернулся в город за подмогой и медиками, но так как все медики были заняты, он нашел всего троих свободных. Врачи и подкрепление выехали без промедлений, а машина Адама и Рейчел покинула город только через пятнадцать минут.

Одни говорят, что Адам сам попросил её поехать с ним и помочь, другие уверяют, что она сама так решила. Но стоило им отъехать от города на милю на запад, их машину расстреляли. В этот раз люди напали на город в два этапа. С двух сторон. Машина Адама и Рейчел была первой на их пути. Они посадили в черный внедорожник по меньшей мере две обоймы из автомата, а то и больше.

Они погибли на месте.

После такого не выживают.

Видимо у них на роду было написано уйти из этого мира в один и тот же день. Только они обманули судьбу и прожили дольше на десять лишних лет. И я могу с уверенностью сказать, что эти десять лет они были счастливы. Действительно счастливы, ведь нет ничего лучше, когда рядом с тобой идеальный человек.

Я не думал, что эта потеря станет для меня отдельным видом боли, но как только Адам умер, я растерялся. Я вообще не мог предположить, что он когда-то может умереть. А Рейчел... перед ней я буду в вечном долгу. Я совершил с ней то, что не прощают, но она простила и даже помогала мне выбраться из апатии после гибели Серены.

Тот налет нам удалось отбить, и потерь среди наших было немного. Спустя три часа, как Адам и Рейчел покинули город, я отправился на их поиски. Наткнулся на машину. Я не сразу подошел к ней, я знал, что не увижу там ничего хорошего. Но подойдя, обнаружил, что Адам до последнего прикрывал Рейчел своим телом.

Но это не помогло, они оба были убиты.

На следующий день их похоронили в одной могиле. Весь город скорбел. Они жили героями и погибли ими.

Мама до сих пор не понимает, что Адама больше нет. После падения Новой Империи её снова посадили на таблетки. Ей стало лучше, но видений больше не было. А ведь это могло спасти жизни Рейчел и Киллера (так она его называла).

Своими вопросами об Адаме мама только вгоняет отца в ещё большее уныние. Эта потеря подкосила его. Он обозлился на людей, которые напали на его город и отняли у него приемного сына. Он долго искал, кто именно напал на нас. И только спустя много лет выяснил, что это были люди из Скалы.

Как бы это ни было печально, но жизнь продолжалась.

Я возглавил отряд Адама, в который по большей части входили "побочные", там я и познакомился с Надин, она была одной из моих подчиненных. Храбрая, отважная, красивая брюнетка. Я не знаю, как именно, но произошло следующее. После очередной вылазки мы вернулись в город, и Надин просто пришла ко мне домой и осталась там на долгое время. Мы вместе сражались, ходили в патрули, занимались сексом. Она была страстной и ненасытной. В один из дней её практически не было дома, но я особо не придал этому значение. Но как только дверь открылась, я увидел по ее лицу, что что-то не так. Надин была зла. Она влетела на второй этаж, и там начался погром. Я не пошел за ней, решил, что она сама должна успокоиться. Так и произошло, через тридцать минут или около того она спустилась и тяжело дыша спросила у меня, не хочу ли я поинтересоваться, что так её взбесило, я ответил, что выслушаю её. И она сказала самую невероятную вещь на земле. Она была беременна. Я в смятении смотрел на неё и не мог поверить, что это правда.

Но это была правда. Надин не хотела детей, она считала, что мир слишком жесток, и она не хочет, чтобы её ребенок оказался в такой реальности. В реальности, где бесконечно идет Мертвая война.

Через месяц Надин стала моей женой.

А ещё через шесть месяцев на свет появилась Сара. В тот день я впервые увидел, как Надин плачет. Она корила себя за мысли, о которых теперь жалела. Она с такой нежностью смотрела на кроху в своих руках, что моё сердце щемило от разных эмоций. Но стоило мне взять в руки дочь, как непрошенная слеза упала на белоснежное детское одеяло. И в тот момент я понял, что вот мой путь. Всё, что было до, не имеет значение, я стану лучшим из отцов и наполню жизнь Сары любовью и счастьем. Я прекращу эту войну, и она сможет жить в приемлемой реальности.

Надин не смогла долго сидеть дома и уже через шесть месяцев пошла в патрули. Мы снова вместе ходили в бой. Всё вернулось на круги своя. Сара жила в резиденции отца, там у неё была куча нянек и сиделок. Но несмотря на это, каждый раз уходя, я чувствовал, что бросаю своего ребенка, ведь нет гарантии, что мы вернемся. Я не хотел, чтобы Сара стала в одночасье полной сиротой, и в один из вечеров отправил Надин в отставку. Могу сказать, что это ей не понравилось. Очень не понравилось. Эта темпераментная брюнетка разнесла весь первый этаж, но не посмела послушаться меня. Я же был полностью уверен, что в городе ей практически ничего не угрожает, не то, что за стенами.

Через год Надин умерла. Не в бою, как всегда мечтала, я отнял у неё эту возможность. Меня не было в городе в тот день. Она пошла на рынок, но так и не вернулась. По дороге туда её ограбили, перерезали горло, а тело бросили в проулок.

Никто не говорит, что в городе полная идиллия. Не смотря на строгость законов, бродяги, бандиты, шарлатаны – они есть всегда и везде.

Я остался один с Сарой.

Ей было всего два года, когда её мамы не стало. Позже Сара часто говорила мне, что вообще не помнит женщины, которая подарила ей жизнь.

Шесть лет я не покидал стен города. Я был отличным отцом, ну по крайней мере мне так кажется. Но, к сожалению, я не мог вечно сидеть внутри стен. Моему отцу была нужна помощь, и он попросил меня об этом. Я снова вернулся в строй. По долгу отсутствовал, пробирался в города людей и выведывал информацию. Единственный город, в который мы так и не смогли пробраться – это Скала. Эта поистине неприступная крепость осталась для нас секретом, но отец не бросил попыток. Он до сих пор жаждет мести за смерть Адама. Смыслом его жизни стала идея покарать всю семью тех, кто погубил его приемного сына.

Так я приезжал и уезжал, а моя принцесса росла. И в один момент поймал себя на мысли, что меня ждет очередная потеря, ведь я проживу куда дольше своего ребенка. Этого не избежать. Эта мысль преследовала меня долгие годы. Я старался оберегать её от всего, от плохих компаний, от стервозных подруг и, конечно, от назойливых парней. Которые так и норовили забрать её у меня. И один всё-таки забрал. Колин Фаррелл ворвался в её жизнь и похитил сердце Сары. Они долго встречались, сыграли свадьбу, я вёл её под венец. Спустя тридцать лет он умер от сердечного приступа. Детей у них не было.

Я наблюдал, как моя крошка становится веселой девчонкой, потом превращается в истинную леди, становится старше и обзаводится семьёй. Старее и... умирает.

Она умерла в семьдесят пять лет. У неё была деменция, и она часто забывала, кто я такой. Последние шесть месяцев своей жизни Сара провела в постели. В минуту, когда её не стало, я был рядом. Сидел и сжимал в руках её морщинистую ладонь. В последний момент она вспомнила меня и посмотрела глазами той маленькой девочки, которая при встрече каждый раз бежала ко мне расставив руки в стороны.

Её не стало, и тут я понял, что нет потери тяжелее, чем потеря своего собственного ребенка.

Я рыдал.

Я кричал.

Я скорбел...

Я сходил с ума...

Я заливал слезами мою девочку и продолжал сжимать её ладонь. Мне было больно. Больше всего я боялся, что со временем забуду, как она выглядит. Так происходит всегда. Время идет, и образ родного человека постепенно начинает стираться из памяти.

Но в этот раз такого не случилось, и моя девочка продолжает жить в моей голове. В моей душе. В моём сердце.

Либо я просто схожу с ума.

Прошло время, и я снова вернулся в строй. Было пару сражений, но потом я сам предложил отцу, если он до сих пор хочет отомстить за смерть Адама, я могу попасть в Скалу, но только, как пленник, а там уже попробую выяснить хоть что-то. Я предложил это не просто так. Если бы я мог отомстить за смерть моей дочери, я бы это сделал, но мой противник неуловим – это время. А его не победить никому. Но зато я могу отдать дань уважения Адаму и Рейчел. Так я и попал сюда.

10. Последний день

Амели.

Сегодня состоится последний бой Мора, который я смогу лицезреть. И как бы это было неуместно, но данная перспектива вгоняет меня в уныние. Необычная нервозность изводит изнутри. Я уже привыкла возвращаться сюда и проживать следующий день, который незаметно стал обыденностью. Смотрю на Мора, он ловит мой взгляд через решетку и спрашивает:

– Как твоё имя?

Наши короткие диалоги не подразумевали под собой знакомство. И сейчас я понимаю, что хочу, чтобы он знал моё имя, а я его. Уверена, что буду его вспоминать и не с ненавистью, как предполагал мой дядя.

– Амели. – отвечаю я. – А твоё?

– Тони.

Снова молчим. Тони. Я узнала его имя в последний день. Вчера на обеде дядя сообщил мне, что сегодня после боя меня не вернут в камеру. Боа будет сидеть со мной на трибуне, а после заберет меня и уведет в кабинет дяди, там пройдет церемония бракосочетания, а после мы сразу покинем Скалу.

Эксперимент дяди провалился по всем фронтам, я не просто не увидела в Тони чудовища, а стала понимать, что Моры сильно похожи на людей. У них тоже есть плохие и хорошие личности, так же как и у нас. И я привыкла к нему, перестала бояться.

– Сегодня ты не вернешься? – спрашивает меня Тони. – Твой срок заточения окончен.

– Да. – с ноткой грусти отвечаю я.

Тони отводит от меня взгляд, но это длится буквально секунду. Снова смотрит на меня, но его взгляд изменился, стал более печальным.

– Ты из влиятельной семьи Скалы? Иначе тебя не смогли бы наказать таким методом.

– Да.

Печальная улыбка появляется на его губах.

– У меня к тебе есть небольшая просьба. Когда меня схватили, при мне была вещь, которая значит для меня слишком много. Я не уверен, что смогу её забрать когда-то, но ты сможешь.

– Что за вещь? – с интересом спрашиваю я.

– Это браслет.

– Браслет?

– Да. Толстая серебряная нить, на которой находятся четыре квадратные бусины с надписью "Сара".

У меня в голове не складывается такая картина, как Тони и браслет. Хотя, что я о нем знаю? Правильно, практически ничего.

– Мне нужно найти это? Но я не смогу отдать его тебе...

Тони перебивает меня на полуслове, немного подается вперед, опускает локти на колени и разглядывает своё запястье. Видимо, там раньше было место данного браслета.

– Забери себе. Не хочу, чтобы он валялся с остальным хламом. – бросает на меня взгляд. – Может когда-нибудь я смогу его забрать у тебя.

Говоря об этой вещице, Тони стал ещё более грустным. Меня же печалит то, что мы с ним точно больше никогда не увидимся, и он не сможет вернуть себе это изделие.

– Я постараюсь. – отвечаю ему. И я действительно постараюсь.

– Спасибо. – искренне говорит он.

Кто такая Сара? Видимо, эта девушка, девочка, женщина имеет огромное значение для него. Мне действительно интересно, кто она. Понимание того, что я могу узнать это только здесь и сейчас подталкивает меня на прямой вопрос:

– А кто такая Сара?

На этот вопрос Тони улыбается не только губами, его глаза начинают сиять, раньше такого мягкого взгляда я у него никогда не видела.

– Самый дорогой мне человек. – при этих словах неожиданный укол в груди заставляет моё дыхание сбиться. – Моя дочь.

У Тони есть дочь? Это немного неожиданно.

– Я постараюсь. – ещё раз говорю я.

В груди щемит. Время подходит. Буквально с минуты на минуту ворвутся охранники, закут Тони в кандалы и уведут нас к клетке. А потом...

Звук стрельбы заставляет меня опустить голову на колени. Крики боли, маты и крепкие выражения по ту сторону двери. Что происходит?

– Открой клетку! – кричит мне Тони. Он стоит у двери и держится за прутья руками. Видит, что я медлю, и подгоняет меня. – Ну же, Амели, давай!

Соскакиваю с кровати и под страшные звуки трясущимися руками с трудом попадаю в скважину. Первый замок. Второй. Ключи выскальзывают из рук и падают на его сторону клетки. Тони моментально хватается их, просовывает руку между прутьями и быстро отпирает последний замок. Отхожу от клетки на шаг. Звуки борьбы всё ближе. Что это? Громкие удары о нашу дверь!

Тони распахивает клетку, хватается за руку и затягивает на свою часть камеры. В этот момент входная дверь распахивается. Тони отталкивает меня себе за спину и рукой придерживает меня там. Хватаюсь за его предплечье мертвой хваткой. Слышу, как в камеру кто-то входит, но боюсь высунуться из-за спины Тони.

– Я уж думал, не найду тебя. – произносит мужской голос.

Спина Тони расслабляется, но руку от меня он не убирает:

– Фрэнк? Какого хрена?

– Папа желает тебя видеть.

– Как ты сюда попал?

– Так же, как и ты. Я три месяца здесь.

– Как выбрался из камеры?

– Долгая история. Пошли, времени нет, а нам ещё выход искать.

Тони оборачивается ко мне, и я понимаю, что вот он, момент прощания. Как я понимаю, этот Фрэнк его друг, и они собираются сбежать. Надеюсь, у него получится выбраться из Скалы. Но печально то, что я не могу ему даже подсказать, где выход. Я не обладаю этой информацией. Тони внимательно всматривается мне в глаза. И говорит невообразимое:

– Идем со мной.

Сердце пропускает несколько ударов. Что он такое говорит? Это невозможно. Моей мечтой было остаться в Скале. Но сегодня так или иначе всё изменится. Я уеду с Боа. Смотрю в голубые глаза. Он так близко, что я ощущаю его всем своим существом, отвожу глаза в сторону и на выдохе говорю:

– Я не могу. Мне не место в твоём...

Тони нежно поворачивает моё лицо к себе и быстро говорит. Он пытается убедить меня и у него получается поселить во мне зерно сомнения:

– В городе моего отца живут не только Моры, но и люди. Ты сможешь там жить так, как того пожелаешь. Тебя никто ни к чему не будет принуждать. – опускает голос до шепота. – Я обещаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.